

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»**

О.В. Мифтахова

Актуальные проблемы билингвальной коммуникации

Методические рекомендации

для студентов очной формы обучения
по направлению подготовки
45.04.01 «Филология. Язык и литература (немецкий, английский)»

**Луганск
2019**

УДК [811.112.2+811.111]'27(076)
ББК 81.2 Нем-923.7+81.2 Англ-923.7
М 68

Рецензенты:

- Агаркова А.А.** – доцент кафедры иностранных языков, латинского языка и медицинской терминологии ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки», кандидат педагогических наук, доцент;
- Санченко Е.Н.** – доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», кандидат филологических наук, доцент;
- Перетятая О.С.** – доцент кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», кандидат филологических наук, доцент.

Мифтахова О.В.

М 68 **Актуальные проблемы билингвальной коммуникации:**
методические рекомендации / О.В. Мифтахова; ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко». – Луганск : Книта, 2019. – 60 с.

Методические рекомендации составлены в соответствии с программой учебной дисциплины «Актуальные проблемы билингвальной коммуникации», содержит теоретические аспекты по данной дисциплине, а также материал практического характера. Тексты лекций полностью соответствуют основным проблемам курса.

Учебное издание предназначено для организации аудиторной и самостоятельной работы студентов 2 курса магистратуры по направлению подготовки 45.04.01 «Филология. Язык и литература (немецкий, английский)».

УДК [811.112.2+811.111]'27(076)
ББК 81.2 Нем-923.7+81.2 Англ-923.7

Рекомендовано Учебно-методическим советом Луганского национального университета имени Тараса Шевченко в качестве методических рекомендаций для студентов, обучающихся по направлению подготовки 45.04.01 «Филология. Язык и литература (немецкий, английский)» (протокол № 3 от 13.11.2019)

© Мифтахова О.В., 2019
© ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», 2019

Оглавление

Введение	4
Теоретическая часть	5
Лекция 1. Языковая ситуация. Ее описание, виды. Двуязычная языковая ситуация. Билингвизм	6
Лекция 2. Понятие «билингвизм». Его виды	9
Лекция 3. Диглоссия как специфическое языковое явление	12
Лекция 4. Языковой код. Переключение и смешение кодов	18
Лекция 5. Языковые контакты и смешение языков. Родство языков и языковые союзы	21
Лекция 6. Лингвистический, социолингвистический и психолингвистический подходы к билингвизму	26
Лекция 7. Иноязычие как метакомпонент поэтического текста. Терминоконцепт билингвемы в поэзии	38
Практическая часть	47
Задания для самостоятельной работы	54
Словарь основных терминов	56
Заключение	58
Библиографический список	60

Введение

Интерес к научному исследованию билингвизма возник в конце XIX века и был связан с развитием лингвистики и сопредельных наук. Основы научной разработки лингвистических проблем билингвизма заложены в трудах как отечественных ученых, так и в работах зарубежных языковедов.

Лингвистический аспект двуязычия связан с анализом соотношения структур и структурных элементов двух языков, их взаимодействия и взаимовлияния на разных уровнях. Однако билингвизм не стоит загонять только в рамки лингвистики. По мнению Г.М. Вишневской, теория двуязычия превратилась в самостоятельную отрасль знания, в которой коррелируют многие науки. Билингвизм является многомерным, многоаспектным феноменом, который не может быть изучен в рамках одной научной дисциплины и даже смежных наук.

Билингвизм классифицируется по разным критериям, но наиболее полная и емкая классификация была разработана Е.М. Верещагиным.

В науке билингвизм признается положительным явлением. Поскольку билингвизм – явление сложное и многоплановое, исследование билингвизма как социокультурного феномена должно происходить не только в области лингвистики, лингводидактики, этнолингводидактики, логопедии, но и в психологии и философии. Исходя из предмета исследования, каждая из перечисленных наук выделяет собственную целевую доминанту и вносит свой вклад в изучение этого вопроса. Изучение вопросов, связанных с сосуществованием двух языков в сознании одного индивида, вызвало необходимость изучения следующих проблем:

- как соотносятся лексические системы двух языков в рамках билингвизма;
- как происходит переключение с одного языкового кода на другой;
- схожи ли процессы освоения родного и неродного языков или же они имеют принципиальные различия.

Теоретическая часть

Лекция 1. Языковая ситуация. Её описание, виды. Двуязычная языковая ситуация. Билингвизм

Языковая ситуация – это совокупность языковых образований, т.е. языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка), обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства.

Языковая ситуация – это конкретный тип взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития. Таково самое общее определение языковой ситуации, данное В.А. Аврориным. В развернутом изложении, соблюдая причинную зависимость между объектами, подлежащими исследованию при выяснении языковой ситуации, автор называет три обязательных ее «момента»:

- 1) социальные условия функционирования языка;
- 2) сферы и среды употребления языка;
- 3) формы существования языка.

В.А. Аврорин одинаково применяет термин «языковая ситуация» для одноязычного народа и для неодноязычных ситуаций. Языковая ситуация одноязычного народа им определяется как функционирование всех наличных форм существования языка «во всех средах и сферах общественной деятельности при определенных социальных условиях жизни данного народа».

Действительно, рассмотренное ранее «состояние языка» (по Г.В. Степанову) можно считать простейшей разновидностью языковой (одноязычной!) ситуации. Гораздо чаще приходится иметь дело с функционированием в пределах административно-политического региона (в пределах страны) не одного, а двух или большего числа языков, т.е. иметь ситуацию двуязычия (билингвизма) или многоязычия (полилингвизма). Факт широкого распространения в мире двуязычия и многоязычия обычно учитывается в определениях, даваемых языковой ситуации как социолингвистическому явлению. Из этого исходил и В.А. Аврорин. Это обстоятельство учтено и в определении Л.Б. Никольского: «Языковой ситуацией мы называем совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности». Языковые ситуации, будучи крупными и сложными социально-языковыми образованиями, изучаются в макросоциолингвистике.

Языковая ситуация – совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований. Языковая ситуация – одно из основных понятий и предмет изучения в социолингвистике. Разнообразные языковые ситуации

описываются посредством различных признаков – количественных, качественных и оценочных (эстимационных), на основе которых можно строить типологию.

Существует также более узкое понятие языковой ситуации, коррелирующее с понятием **языкового состояния** как совокупности варьирований языка (компоненты состояния: функциональные стили, формы существования и формы реализации). В этом случае языковая ситуация – это пространственной социальное взаимодействие разных языков или разных компонентов состояния одного языка.

Совмещая количественные и качественные признаки, можно выделить 4 типа языковых ситуаций:

1. Сбалансированные одноязычные ситуации – это такие ситуации, когда территориальные диалекты некоторого языка были равноценны по своим функциям и, следовательно, обладали равным социальным статусом, а наддиалектное койне или литературный язык еще не сложились. Такие ситуации очень редки. В качестве примера можно назвать языковую ситуацию в Исландии. На исландском языке говорит 99% населения, при этом практически отсутствуют диалектные различия, а также противопоставление литературного и обиходно-разговорного языка. Правда, имеет место так называемое культурное двуязычие: специальное образование предполагает широкое использование английского языка.

2. Сбалансированные многоязычные ситуации так же достаточно редки. Примером служат ситуации в Венгрии и Финляндии. На венгерском языке говорит 94% населения, имеется 8 диалектов, противопоставленных литературному языку. В Финляндии два государственных языка – финский и шведский, при том, что 91% населения финны, 6% – шведы.

3. В качестве примеров обычно указывают на ситуации в Швейцарии и Бельгии. В Швейцарии четыре государственных языка: немецкий, французский, итальянский, ретороманский, при этом германошвейцарцы, немцы и австрийцы составляют 64% населения, франкошвейцарцы и французы – 18%, италошвейцарцы и итальянцы – 10%, ретороманцы – 0,8%. В Бельгии два государственных языка: французский и нидерландский, при этом 39,1% населения – франкоязычные валлоны, 50,7% – фламандцы. Действительно, четыре языка Швейцарии и два языка Бельгии юридически равноправны, используются в государственном управлении, армии, суде, учебных заведениях, в массовой коммуникации. И, тем не менее, полная симметрия в социальном положении языков все же невозможна. Так, в Швейцарии на ретороманском языке говорит 50 тыс. человек – менее 1% населения страны. При этом в соседней Италии, где ретороманцев 720 тыс. человек, язык официально не признан, а французский, немецкий, итальянский языки – это государственные языки крупных европейских держав, признанные языки межнационального и международного общения. Естественно, что социальный статус ретороманского языка фактически не может быть равным положению остальных языков Швейцарии. В Бельгии

фламандский (нидерландский) язык численно преобладает (фламандцев – 5 млн., франкоязычное население – 4,3 млн.). Однако в силу большей социальной активности франкоязычного населения Бельгии, а также в силу более высокого международного авторитета соседнего французского языка равновесность ситуации постепенно смещается в пользу французского языка.

4. Пример многоязычной несбалансированной ситуации: языки на белорусской этнической территории в Великом княжестве Литовском. Ситуация в Великом княжестве Литовском может быть охарактеризована в следующих терминах: многокомпонентная; многоязычная; демографически неравновесная; коммуникативно несбалансированная; с различным юридическим статусом образующих ситуацию языков; совмещающая близкородственное и неблизкородственное двуязычие; эндокзоглотосная, так как один из престижных языков, «проста мова», был родным для большинства населения, а другие (церковнославянский, латынь). Также называют в качестве многоязычной несбалансированной ситуации ситуацию в Испании, где один государственный язык и три официальных: в автономных провинциях Каталония, Валенсия и Балеарские острова – каталанский, в Галисии – галисийский, в Стране Басков – баскский (во всех провинциях статус официального языка имеет также испанский). При этом 70,6% населения испанцы, 18,3% – каталонцы, 8,1% – галисийцы, 2,4% – баски.

Билингвизм (англ. *bilingualism* от *bi-* «два» + лат. *lingua* «язык») является одним из основополагающих условий успешной коммуникации в современном мире, однако, в лингвистике до сих пор нет единого подхода к пониманию проблемы двуязычия. Традиционно билингвизм определяется как владение как минимум еще одним языком (наряду со своим родным языком), а также практика использования двух и более языков. У. Вайнрайх называет билингвизм практикой попеременного пользования двумя языками. В.Ю. Розенцвейг определяет билингвизм как владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения. Л. В. Щерба подразумевал под билингвизмом способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Данные о количестве языков на земном шаре показывают, что число языков в 25 раз превышает число стран, а около 70 процентов населения мира являются билингвами, что свидетельствует о том, что билингвизм (как и мультилингвизм) является распространенным явлением.

Билингвизм (двуязычие) – способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках.

Людей, владеющих двумя языками, называют билингвами, более двух – полилингвами, более шести – полиглотами. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть билингвом – принадлежать одновременно к двум различным социальным группам.

Лекция 2. Понятие «билингвизм». Его виды

Билингвизм – это способность человека свободно изъясняться на двух языках. 70% населения Земли в той или иной степени владеют двумя или более языками.

Классификация и типы билингвизма в наиболее полной форме разработаны в концепции Евгения Михайловича Верещагина, который выделяет следующие критерии классификации билингвизма:

1. Возраст, в котором происходит усвоение второго языка: **ранний и поздний билингвизм**. Ранний билингвизм обусловлен жизнью в двуязычной культуре с детства. При позднем билингвизме изучение второго языка происходит в старшем возрасте уже после освоения одного языка. Исследователи проблемы усвоения иностранного языка взрослыми отмечают, что в полном объеме усвоение языка возможно лишь, если оно начнется до 12–14 лет.

2. Число действий, выполняемых на основе данного умения. Обязательными участниками ситуации общения являются говорящий и слушающий. Последнее замечание необходимо, т.к. билингв не всегда бывает говорящим и слушающим. В соответствии с данным критерием выделяют **рецептивный билингвизм**, когда билингв ограничивается только пониманием речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе. Такой вид билингвизма возможен при изучении мертвых языков. **Репродуктивный билингвизм**, когда билингв способен воспроизводить прочитанное и услышанное. Примером репродуктивного билингвизма является самостоятельное изучение неродного языка в качестве средства для получения информации. **Продуктивный** (производящий) билингвизм, когда билингв понимает, воспроизводит и порождает речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе. Основное условие данного вида билингвизма – творческое построение речи на втором языке.

3. Третьим критерием классификации билингвизма является соотнесенность двух речевых механизмов между собой. Сущность этого критерия в том, что обе языковые системы могут функционировать независимо друг от друга, или могут быть связаны между собой во время акта речи. Если, например, билингв употребляет только одну определенную систему в определенной речевой ситуации (например, на работе), а в другой ситуации (например, дома) другую языковую систему, то на практике речевые механизмы никак не связаны друг с другом. Данный тип билингвизма был назван чистым. Примером **чистого билингвизма** может быть случай, когда в семье используется один язык, а языком общения на работе, в магазине, транспорте и других общественных местах является другой язык. При **смешанном билингвизме**, который противостоит чистому, языки свободно заменяют друг друга, а между двумя речевыми механизмами, относящимися к порождению разноязычной речи, возникает связь. Смешанный билингвизм наблюдается, например, в Швейцарии, где разноязычные народы проживают на общей территории. Естественный

билингвизм, когда с рождения ребенок слышит в семье речь на двух языках. **Координативный, субординативный билингвизм** или билингвизм смешанного типа – это понятия, которые традиционно используют исследователи билингвального сознания. В современной лингводидактике принято считать, что «индивид с координативным двуязычием владеет двумя независимыми языковыми системами». Это значит, что он имеет возможность реагировать на обращенное к нему на иностранном языке высказывание, не прибегая к своему родному. Субординативный билингвизм означает, что система второго языка постигается через призму первого; – искусственный билингвизм (специально организованное семьей изучение другого языка).

4. С точки зрения коммуникативных источников формирования билингвизма существует две модели:

– **контактный билингвизм** (возникает в процессе коммуникации при поддержании билингвом связи с носителями языка); данный тип двуязычия возникает в результате долгого совместного проживания двух народов на одной территории;

– **неконтактный билингвизм** (возникает в результате овладения языком другого народа путем его специального изучения, формируется в условиях отсутствия возможности контакта на другом языке, под влиянием средств массовой информации (например, телевидения)).

5. Коммуникативная активность:

– **активный и пассивный билингвизм**. Активными могут считаться люди, которые включаются в активное общение при изучении языка, ставшего доминирующим. Наряду с рассмотренными крайними точками зрения на статус билингва существуют определения, характеризующие двуязычие с учетом постепенного формирования двуязычной личности. Т.А. Бертагаев различает активное и пассивное двуязычие: «Активный билингвизм предполагает владение вторичным языком в его устной и письменной форме», пассивный билингвизм – «умение понять, но не умение ответить или умение передать текст, не воспринимая полностью его содержание».

6. Способ связи речи на каждом из языков с мышлением:

– **непосредственный билингвизм;**

– **опосредствованный билингвизм.**

Данную классификацию предложил В.Б. Беляев, который считает, что язык выражает мысль и является действительностью мысли. Владение вторым языком представляет собой бессознательно-интуитивное практическое владение. Этот тип билингвизма именуется непосредственным билингвизмом. Выделяется также опосредствованный билингвизм, при котором второй язык рассматривается как кодовая система для обозначения выразительных возможностей первичного языка, т.е. вторичные речевые умения оказываются связанными с мышлением опосредствованно, через первичные речевые умения, и прямо с мыслью не сопоставляются.

Субординативный (субъект владеет одним языком лучше, чем другим) билингвизм, при котором наличествует доминантный язык (язык мышления). Координативный (владеет разными языками в равной мере свободно), – двуязычие, при котором нет доминирующего языка. При этом билингв думает на том языке, на котором говорит.

Искусственный и естественный билингвизм. При искусственном билингвизме ребенок понимает, что язык – это предмет обучения. Он не рассматривает язык как одно из средств коммуникации. В науке существует еще один критерий разграничения типов билингвизма. Мы бы его определили как различие условий изучения (второго) иностранного языка. Люди, проживающие в стране изучаемого языка, имеют более благоприятные условия для его изучения, так как кроме учебных занятий они могут постоянно общаться с носителями этого языка. Для этих людей характерен так называемый естественный билингвизм или эффект «погружения» в иноязычную среду. У людей, живущих в родной стране, такой возможности нет, они, в основном, изучают иностранный язык в школе и вузе, а дома и на улице общаются на родном языке, поэтому для них характерен, так называемый искусственный тип билингвизма.

Двуязычными могут быть не только отдельные люди, но и целые государства, т.е. разграничивают **индивидуальное и коллективное двуязычие**.

Также можно выделить:

– автономный/параллельный билингвизм; при автономном билингвизме языки усваиваются субъектом без последовательного соотнесения их между собой, при параллельном овладение одним из языков происходит с опорой на овладение другим языком;

– близкородственный/неблизкородственный билингвизм; это деление учитывает фактор генетического родства или наоборот – неродственности языков. Например, русско-китайское двуязычие и русско-польское двуязычие; татарско-английское и татарско-башкирское двуязычие.

Лекция 3. Диглоссия как специфическое языковое явление

Естественные языки принципиально неоднородны: они существуют во многих своих разновидностях, формирование и функционирование которых обусловлено определенной социальной дифференцированностью общества и разнообразием его коммуникативных потребностей.

Некоторые из этих разновидностей имеют своих носителей, т.е. совокупности говорящих, которые владеют только данной подсистемой национального языка (территориальным диалектом, просторечием). Другие разновидности служат не единственным, а дополнительным средством общения: например, студент пользуется студенческим жаргоном главным образом в «своей» среде, в общении с себе подобными, а в остальных ситуациях прибегает к средствам литературного языка. То же верно в отношении профессиональных жаргонов: программисты и операторы ЭВМ используют компьютерный жаргон в непринужденном общении на профессиональные темы, а выходя за пределы своей профессиональной среды, они употребляют слова и конструкции общелитературного языка.

Подобное владение разными подсистемами одного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения называется внутриязыковой диглоссией. Термин «диглоссия» может обозначать и владение разными языками и попеременное их использование в зависимости от ситуации общения; в этом случае термин употребляется без определения «внутриязыковая».

Понятие диглоссии ввел в научный оборот американский исследователь Ч. Фергюсон в 1959 г. До этого в лингвистике использовался (и продолжает использоваться сейчас) термин «двуязычие» – как русский перевод интернационального термина «билингвизм». А для ситуаций, в которых возможно функционирование нескольких языков, принят термин «многоязычие» (англ. multilingualism, франц. plurilinguisme).

Двуязычие и многоязычие, как следует из буквального значения этих терминов, – это наличие и функционирование в пределах одного общества (обычно – государства) двух или нескольких языков. Многие современные страны дву- или многоязычны: Россия (существование на ее территории наряду с русским таких языков, как башкирский, татарский, якутский, бурятский, осетинский и мн. др.), страны Африки, юго-восточной Азии, Индия и др.

О двуязычии и многоязычии можно говорить также применительно к одному человеку, если он владеет не одним, а несколькими языками.

В отличие от двуязычия и многоязычия, диглоссия обозначает такую форму владения двумя самостоятельными языками или подсистемами одного языка, при которой эти языки и подсистемы функционально распределены: например, в официальных ситуациях – законодательстве, делопроизводстве, переписке между государственными учреждениями и т.п. – используется официальный (или государственный) язык, если речь идет о многоязычном

обществе, или литературная форма национального языка (в одноязычных обществах), а в ситуациях бытовых, повседневных, в семейном общении – другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, иные языковые подсистемы – диалект, просторечие, жаргон.

Важным условием при диглоссии является то обстоятельство, что говорящие делают сознательный выбор между разными коммуникативными средствами и используют то из них, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации.

Явление диглоссии достаточно интенсивно изучалось в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Проблема изучения этого понятия представлена в литературе 50–80-х гг. такими учеными как Г. Пауль, Э. Хауген, В.Ю. Розенцвейг, У. Вайнрайх, Н.Б. Мечковская. Эта проблема осталась актуальной и в наше время.

Современное определение понятия «диглоссии» дается В.А. Виноградовым: диглоссией называется одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах. Для диглоссии характерны:

1) такое функциональное распределение языков, когда один из них используется в «высоких» (небытовых) сферах и ситуациях общения (в церкви, книжно-письменной культуре, науке, образовании) и не принят в повседневном общении; второй язык, напротив, возможен только в повседневном общении и некоторых жанрах письменности, например в договорах, публичных объявлениях, рекламе, иногда в «низких» жанрах художественной литературы;

2) престижность книжного («высокого») языка (в языковом сознании социума);

3) надэтнический (экzogлоссный) характер престижного языка: ни для одной из этнических или социальных групп населения этот язык не является родным (материнским);

4) искусственный (школьный) характер овладения престижным языком, поскольку такой язык не используется в обиходе, им нельзя овладеть естественным путем (от матери, в семейно-бытовом общении в детстве).

Диглоссную ситуацию могут образовывать как родственные, так и неродственные языки. Многовековую (до 1976 г.) диглоссную ситуацию в Греции формировали также генетически близкие языковые образования – два письменных новогреческих языка: 1) язык, возникший в начале новой эры в результате подражания древнегреческим классикам V–IV вв. до н. э. и 2) литературный язык более поздней поры, свободный от архаизирующих установок. В 1976 г. греческий парламент принял закон о реформе общего образования, вводивший в школы этот второй, более молодой и демократический язык; при этом, однако, в лексике и словообразовании сохранялась связь с письменной традицией классической греческой культуры. Диглоссия характерна для большинства арабских стран. Единый литературный язык арабов, восходящий к классическому арабскому языку

VII в., имеет только письменную форму выражения. Это язык Корана, книжно-письменной культуры, науки, публицистики, официально-деловой документации, высшего и отчасти среднего образования. Однако им владеют только 25–30% арабского населения. В повседневном общении, в неофициальных программах радио и телевидения, в начальной школе используются многочисленные и далеко разошедшиеся диалекты арабского языка – алжирский, египетский, иракский, йеменский.

Будучи основным языком ислама (наряду с персидским и урду), литературный арабский язык распространен также в неарабских мусульманских странах Африки (Сенегал, Гвинея, Мали, Нигерия, Нигер, Республика Чад). Это приводит к диглоссии генеалогически далеких языков: африканских языков народностей волоф, хауса, фульбе, диола, тукуле, малинке и др., с одной стороны, и литературного арабского – с другой. При этом в неарабских, но исламских странах Африки языковая ситуация носит особо сложный характер: диглоссия культового арабского и местных африканских языков сочетается с многоязычием, которое образуется двумя-тремя местными языками и европейским языком (французским или английским) – в качестве официального государственного языка и языка межэтнических контактов.

Специфичная языковая ситуация и в Канаде. После Франции она считается второй франкоязычной страной в мире. В ней в настоящее время из 26 млн. населения около 6 млн. человек пользуются французским языком как родным. Но принятая в 1980 г. Конституция страны стала предусматривать официальное равенство английского и французского языков на всей территории Канады. Последующие законы и правительственные постановления привнесли лишь незначительные дополнения в языковую практику. В частности, это касается гарантий англоязычных граждан пользоваться английским языком в Квебеке.

Сегодняшняя языковая ситуация в Квебеке характеризуется наличием двух основных языков: французского и английского. Кроме того, в провинции проживают люди, пользующиеся другими языками (включая индейцев), но численность их незначительна по сравнению с говорящими на французском и английском языках. Более того, эта часть населения, наряду с родным, на практике так или иначе пользуется французским или английским языком.

Что касается девяти других провинций Канады, то они, как было сказано выше, населены в основном англоязычными гражданами и лишь в провинциях Онтарио и Нью-Брансуик отмечается значительное число франкофонов. Таким образом, в Канаде имеет место билингвизм на английской и французской основах. В тех провинциях, где эти языки находятся в тесном контакте между собой, они оказывают друг на друга определенное влияние.

Для диглоссии характерна функциональная иерархия языков, похожая на взаимоотношения «высокого» и «обиходного» стилей; при этом ситуации

и сферы их употребления достаточно строго разграничены. Вот почему русско-французское двуязычие дворянской аристократии в России конца XVIII – первых десятилетий XIX в., как и сосуществование латыни и народных языков в средневековой Европе, – это не диглосные ситуации. И французский язык в России, и латынь широко использовались в повседневном неофициальном обиходе.

Четкое функциональное распределение языков делает диглосные ситуации достаточно устойчивыми. Такое двуязычие сохраняется веками.

При диглоссии одна из форм существования языка выступает как главная, доминирующая, а вторая – как дополнение к ней. Схемы сочетаемости разных форм существования языка довольно разнообразны. Назовем их, а затем отметим типичные, наиболее распространенные в русском языке.

1-й вариант диглоссии: литературный язык – народно-разговорный язык. Пример: чешский литературный язык и чешский обиходно-разговорный язык.

2-й вариант диглоссии: литературный язык – наддиалектное койне. Примеры: русский литературный язык национального досоциалистического периода и городские койне; современный аварский литературный язык и болмац – интердиалект, возникший на базе северных диалектов аварского языка.

3-й вариант диглоссии: литературный язык – просторечие. Это довольно редкое сочетание, однако оно все же встречается, так как в некоторых ситуациях владеющие литературной нормой могут переходить на заведомо сниженную, ненормированную речь (иногда преследуя стилистические цели).

4-й вариант: литературный язык – пиджин, возникший на его основе. Тоже редкий случай, однако теоретически допустимый, например, переход на пиджин (или кяхтинское наречие) лиц, владеющих литературным языком (английским, русским).

5-й вариант диглоссии: литературный язык – креольский язык; примером может служить усвоение носителями литературных языков (английского, испанского, португальского, французского) негритянско-английского, негритянско-испанского, негритянско-французского и других креольских языков в Африке, а также в районе Карибского моря, на островах Атлантического и Индийского океанов.

6-й вариант диглоссии: литературный язык – территориальный диалект; довольно частый случай, заключающийся в том, что носитель литературного языка, находясь длительное время в условиях диалектного окружения, усваивает местный говор и пользуется им в разговоре с односельчанами. Этот вариант диглоссии может возникнуть и иначе: выходец из деревни полностью освоил литературный язык, но не забыл и свой родной диалект.

7-й вариант диглоссии: литературный язык – социальный диалект (одного или нескольких его типов). Это случай, когда носители литературного языка, например, учащиеся, студенты, солдаты, пользуются «молодежным жаргоном».

8-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык – литературный язык.

9-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык – наддиалектное койне.

10-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык – просторечие.

11-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык – пиджин.

12-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык – креольский язык.

13-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык – территориальный диалект.

14-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык – социальный диалект.

15-й – 21-й варианты диглоссии: койне (наддиалектный язык) в сочетании с литературным языком, народно-разговорной формой, просторечием, пиджином, креольским языком, территориальными диалектами, социальными диалектами.

Следующие варианты диглоссии (не менее 30) получаются при сочетании просторечия с прочими вариантами языка, пиджина с другими вариантами языка, креольского языка с некоторыми другими формами, территориального диалекта с другим территориальным диалектом, а также другими социально-функциональными вариантами языка. Что касается социальных диалектов, то они в роли основных форм общения не выступают.

Для современного русского языка наиболее актуальны следующие виды диглоссии: литературный язык – просторечие; литературный язык – территориальный диалект; литературный язык – социальный диалект (профессиональный «подъязык», групповой жаргон); народно-разговорный язык – литературный язык; народно-разговорный язык – территориальный диалект; народно-разговорный язык – социальный диалект (профессиональный говор, жаргон, арг); территориальный диалект – литературный язык; территориальный диалект – территориальный диалект другого типа; территориальный диалект – социальный диалект (профессиональный говор, арг, групповой жаргон). Например, территориальный диалект и литературный язык как два члена диглоссной оппозиции характерны для континентов носителей русского языка, родившихся в сельской местности и с детства пользовавшихся диалектом, но затем с получением среднего (и высшего) образования усвоивших нормы литературного языка. Функционально диалект и литературный язык «разведены»: первый используется при посещении родной деревни (в разговоре с родителями, друзьями детства), второй – во всех остальных случаях (на работе, в общественной жизни, в условиях города).

В заключение затронем два вопроса, имеющих прямое отношение к понятиям «состояние языка» и «диглоссия».

Первый вопрос – о разговорной речи (РР), второй – о функциональных стилях литературного языка. Разговорную речь, включаемую в литературный язык, но противопоставляемую его кодифицированной разновидности (КЛЯ), обычно не признают особой формой существования языка. Не относят к категории форм существования языка и функциональные стили. Между тем своеобразие и разговорной речи, и каждого из функциональных стилей (с распределением сфер их применения) столь существенно, что некоторые авторы считают возможным включать их в диглосные оппозиции в пределах литературного языка. Существует еще один тип диглоссии, который характеризуется сосуществованием различных подсистем полифункционального литературного языка. Наиболее распространенным видом этой диглоссии является взаимодействие кодифицированного литературного языка и разговорной речи. Другой разновидностью этого же функционального типа является владение несколькими функциональными стилями литературного языка. Диапазон функциональных стилей, которыми владеет говорящий, зависит от его социального происхождения, положения, уровня образования, профессии. Функциональные стили, как они понимаются в лингвостилистике и как их представляет себе Г.В. Степанов (например, в приведенном выше определении «состояния языка»), не должны приравниваться к формам существования языка и, следовательно, не дают диглоссии при переходе с одного стиля на другой – с официально-делового на научный, с научного на публицистический, на обиходно-разговорный и т.д. Однако в социалингвистике некоторые авторы в термин «функциональный стиль» вкладывают иное содержание, здесь он – категория социально-функциональная и включает в себя другой набор разновидностей (официальный, неофициальный, профессиональный, ритуальный, или культовый, стили). В этом новом, социалингвистическом содержании функциональный стиль можно рассматривать как компонент диглоссии.

Лекция 4. Языковой код. Переключение и смешение кодов

Каждое языковое сообщество пользуется определенными средствами общения – языками, их диалектами, жаргонами, стилистическими разновидностями языка. Любое такое средство общения можно назвать кодом. В самом общем смысле **код** – это средство коммуникации: естественный язык (русский, английский, сомали и т.п.), искусственный язык типа эсперанто или типа современных машинных языков, азбука Морзе, морская флажковая сигнализация и т.п. В лингвистике кодом принято называть языковые образования: язык, территориальный или социальный диалект, городское койне. Наряду с термином «код» употребляется термин «субкод». Он обозначает разновидность, подсистему некоего общего кода, коммуникативное средство меньшего объема, более узкой сферы использования и меньшего набора функций, чем код. Например, такие разновидности современного русского национального языка, как литературный язык, территориальный диалект, городское просторечие, социальный жаргон, – это субкоды, или подсистемы единого кода (русского национального языка).

Субкод, или подсистема также может члениться на разновидности и тем самым включать в свой состав субкоды (подсистемы) более низкого уровня и т.д. Например, русский литературный язык, сам являющийся субкодом по отношению к национальному языку, членится на две разновидности – кодифицированный язык и разговорный язык, каждая из которых обладает определенной самостоятельностью и различается по функциям: кодифицированный язык используется в книжно-письменных формах речи, а разговорный – в устных, обиходно-бытовых формах. В свою очередь кодифицированный литературный язык дифференцирован на стили, а стили реализуются в разнообразных речевых жанрах; некое подобие такой дифференциации есть и в разговорном языке.

Переключение кодов. Коды (языки) и субкоды (диалекты, стили), составляющие социально-коммуникативную систему, функционально распределены. Это означает, что один и тот же контингент говорящих, которые составляют данное языковое общество, владея общим набором коммуникативных средств, использует их в зависимости от условий общения. Например, если вести речь о субкодах литературного языка, то в научной деятельности носители литературного языка используют средства научного стиля речи, в сфере делопроизводства, юриспруденции, административной переписки и т.п. они же обязаны прибегать к средствам официально-делового стиля, в сфере религиозного культа – к словам и конструкциям стиля религиозно-проповеднического и т.д.

Иначе говоря, в зависимости от сферы общения говорящий переключается с одних языковых средств на другие.

Похожая картина наблюдается и в тех обществах, где используется не один, а два языка (или несколько). Билингвы, т.е. люди, владеющие двумя (или несколькими) языками, обычно «распределяют» их использование в

зависимости от условий общения: в официальной обстановке, при общении с властью используется преимущественно один язык, а в обиходе, в семье, при контактах с соседями – другой (другие). И в этом случае можно говорить о переключении с одного кода на другой, только в качестве кодов фигурируют не стили одного языка, как в первом примере, а разные языки.

Переключение кодов, или кодовое переключение, – это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации.

Причины переключения кода:

1. Смена адресата, т.е. того, к кому обращается говорящий. Если адресат владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последнему, естественно, приходится использовать именно этот, знакомый адресату язык, хотя до этого момента в общении с собеседниками-билингвами мог использоваться другой язык или оба языка.

2. Если меняется состав общающихся: если к разговору двоих билингвов присоединяется третий человек, владеющий только одним из известных всем троим языков, то общение должно происходить на этом языке. Отказ же собеседников переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как нежелание посвящать его в тему разговора или как пренебрежение к его коммуникативным запросам.

3. Изменение роли самого говорящего. Скажем, в роли отца (при общении в семье) или в роли соседа по дому он может использовать родной для него диалект, а обращаясь в органы центральной власти, вынужден переключаться на более или менее общепринятые формы речи. Если такого переключения не произойдет, представители власти его не поймут, и он не достигнет своей цели (удовлетворить просьбу, рассмотреть жалобу и т.п.), т.е. потерпит коммуникативную неудачу.

4. Тема общения также влияет на выбор кода. По данным исследователей, занимавшихся проблемами общения в условиях языковой неоднородности, «производственные» темы члены языковых сообществ предпочитают обсуждать на том языке, который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технических процессов, устройств, приборов и т.п. Но как только происходит смена темы – с производственной на бытовую, – «включается» другой языковой код или субкод: родной язык или диалект собеседников. В одноязычном обществе при подобной смене кода происходит переключение с профессионального языка на общеупотребительные языковые средства.

Если влияние того или иного фактора говорящий может предвидеть и даже в каком-то смысле планировать, то переключение происходит на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения – по завершении обсуждения какой-либо темы. А если вмешательство фактора, обуславливающего кодовое переключение, неожиданно для говорящего, он

может переключаться с кода на код посередине фразы, иногда даже не договорив слова. При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизированно, сам процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код (субкод) используется не целиком, а во фрагментах. Например, говоря на одном языке, человек может вставлять в свою речь элементы другого языка – фразеологизмы, модальные слова, междометия, частицы.

Сама способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определенной коммуникативной и общей культуре человека. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительную комфортность самого процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или субкоду) воспринимается как аномалия и может приводить к коммуникативным конфликтам.

Переключение кодов следует отличать от таких явлений, как заимствование языковых единиц и их вкрапление в речь.

Переключаясь на другой код, говорящий использует его элементы в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными свойствами этих элементов. При заимствовании слово или какая-либо другая единица подчиняется (хотя бы частично) фонетике и грамматике заимствующего языка. При вкраплении сохраняется иносистемный облик вкрапливаемого элемента, но этот элемент употребляется в некоем «застывшем» виде, не изменяясь в соответствии со словоизменительными моделями или с моделями синтаксическими.

Хрестоматийный пример переключения кодов – смена русского языка на французский (и обратно) в речи дворян – персонажей романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Общение и на русском, и на французском происходит в соответствии с нормами каждого из этих языков.

Смешение кодов – вид речевой стратегии в ситуации билингвизма, предполагающий хорошее владение обоими языками и высокий уровень компетенции, когда происходит переход с одного языка на другой внутри высказывания. Иноязычные вкрапления могут выполнять функцию этнических или социальных идентификаторов: «*O ta foi, - сказал он, - завтра все увидим на поле сражения*» (Л. Толстой). Переключение кодов мотивировано; наряду с этим в речи билингвов часто встречается смешение кодов, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки. Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания, так что определение принадлежит одному языку, определяемое – другому, глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова – другому и т.п.

Лекция 5. Языковые контакты и смешение языков. Родство языков и языковые союзы

Понятие смешения языков – одно из самых неясных в современной лингвистике, так что, возможно, его и не следует включать в число лингвистических понятий, как это и сделал А. Мейе. Если присмотреться к фактам, приводимым различными авторами, трактующими о смешении языков, то можно заметить, что они все или почти все могут быть разделены на три категории: 1) заимствования в собственном смысле слова, сделанные данным языком из иностранных языков; 2) изменения в том или ином языке, которыми он обязан влиянию иностранного языка; 3) факты, являющиеся результатом недостаточного усвоения какого-либо языка, т.е. те ошибки языка, которые сделались в известной среде общепризнанной нормой. Во всех этих случаях нельзя сомневаться в том, что это за язык, внутри которого произошли те или иные изменения, тем или иным образом вызванные другими языками. Как бы ни был сильно смешан язык, всегда есть какой-то один язык, который составляет его основу. Мейе показал, что мы всегда имеем основание спросить себя, какой тот язык, продолжением которого является данный язык, иначе говоря, искать язык-основу. Причина этого в том, что явление непрерывности языка, неточно называемое родством языков, есть факт чисто исторический; он основывается исключительно на наличии воли говорящего пользоваться определенным языком, либо сохраняя его по возможности без изменений, либо видоизменяя его, либо пополняя его заимствованными элементами. Никогда говорящие на двух языках не теряют чувства различия тех двух языков, которыми они пользуются.

Языковые контакты – взаимодействие и взаимовлияние языков, возникающие в результате контактирования коллективов, говорящих на этих языках. Языковые контакты происходят обычно в определенных географических ареалах и обусловлены этническими, историческими и социальными факторами. Результатом языковых контактов на уровне идиолекта является интерференция, на уровне языков в целом – конвергенция. При интенсивных и длительных языковых контактах конвергентное развитие может привести к образованию языковых союзов. Понятие и термин «языковые союзы» впервые сформулировал Н.С. Трубецкой в статье 1923 г. «Вавилонская башня и смешение языков». В этой работе он предложил различать языковую семью и языковой союз. Языковой союз – это группа языков одного географического района или какого-либо территориально-административного деления, обнаруживающих сходства в синтаксисе, морфологии, фонетике (иногда), обладающих общим фондом культурных слов.

Одним из важнейших внешних факторов исторического развития языка в современном языкознании признаются языковые контакты. Науке практически неизвестны гомогенные в структурном и материальном

отношении языка, развитие которых протекало бы в изоляции от внешних воздействий: это обстоятельство позволяет, очевидно, утверждать, что в некотором самом общем смысле все языки могут быть охарактеризованы как «смешанные».

Одним из основных понятий теории языковых контактов является понятие билингвизма, вследствие чего изучение двуязычия нередко признается даже основной задачей исследования контактов (здесь не затрагивается понятие полилингвизма или многоязычия, в принципе сводимого к совокупности двуязычий). Именно в двуязычных группах говорящих одна языковая система вступает в контакт с другой, и впервые происходят контактно обусловленные отклонения от языковой нормы, называемые здесь вслед за У. Вайнрайхом интерференцией, и которые в дальнейшем выходят за пределы билингвистических групп. Языковой контакт протекает как речевое взаимодействие людей, говорящих на этих языках.

Чтобы понять, как и в каком направлении изменяются контактирующие языки, надо увидеть этот процесс на трех разных уровнях:

1) в социолингвистическом плане – как взаимодействие разноязычных социумов, т.е. как определенную языковую ситуацию;

2) в психолингвистическом плане – как индивидуальное двуязычие (какой-то части говорящих);

3) на собственно лингвистическом уровне – как смешение, взаимопроникновение двух самостоятельных (самодостаточных) языковых систем.

Обычно языки воздействуют друг на друга через контакты носителей языков, или через контакт культур. При этом слова одного языка могут переходить в другой. Это сопровождается тем или иным искажением слов, поскольку в каждом языке и свое произношение, и своя грамматика, отличная от других языков. Процессы перетекания слов из одного языка в другой достаточно хорошо наблюдаемы в жизни. Если касаться аспекта взаимодействия языков, то языковой контакт протекает как речевое взаимодействие людей, говорящих на этих языках. Даже минимальное взаимодействие невозможно до тех пор, пока обе стороны (или одна из сторон) не сделают хотя бы один шаг навстречу партнеру. Таким образом, исход языкового взаимодействия социально обусловлен. В случаях скрещивания различают два понятия: субстрат и суперстрат. И субстрат и суперстрат – это элементы побежденного языка в языке-победителе, но так как побежденным может быть и тот язык, «на который накладывается другой язык», и тот язык, «который накладывается на другой язык и сам в нем растворяется», то можно различать эти два явления. **Языковой субстрат** – влияние языка коренного населения на чужой язык, обычно при переходе населения с первого на второй в результате завоевания, этнического поглощения, культурного преобладания и т.д. При этом местная языковая традиция обрывается, народ переключается на традицию другого языка, но в

новом языке проявляются черты языка исчезнувшего. Язык, помимо того, что он связан с определённой артикуляционной базой, имеет слишком глубокие корни в жизни народа, слишком глубоко связан с хозяйственными навыками и традициями. Поэтому переход с одного языка на другой есть процесс сложный и трудный. Как бы велико ни было субъективное желание овладеть новым языком в точности и совершенстве, это желание не реализуется полностью. Какие-то качества родного языка в фонетике, лексике, семантике, типологии удерживаются помимо воли и сознания говорящих и продолжают «просвечивать» сквозь наложившуюся оболочку новой речи. В результате воспринятый чужой язык приобретает в данной среде особый своеобразный характер, отличный от того, какой он имел в исходной среде. Это явление и получило название лингвистического субстрата.

Для правильного понимания явлений субстрата надо принять во внимание следующие параметры: субстрат – явление языка как исторической категории, поэтому любые «искажения» и «субституции» в речи отдельных людей или отдельных групп людей, говорящих не на родном, а на вторичном языке никакого отношения к проблеме субстрата не имеют. Это вопрос речи и притом на «чужом» языке, субстрат же касается видоизменения своего родного языка под влиянием другого языка. Влияние субстрата не связано с лексикой, которая заимствуется очень легко и осваивается заимствующим языком в соответствии с внутренними законами его функционирования и развития без нарушения этих законов; если же в лексике обнаруживается субстрат, то это уже связано с грамматикой и фонетикой. Влияние субстрата – это прежде всего нарушение внутренних законов развития языка (и даже группы родственных языков). И это может сказаться именно в строе языка – в его морфологии и фонетике.

Суперстрат – влияние языка пришлого населения на язык коренного в результате завоевания, культурного господства некоего этнического меньшинства, которому не хватило критической массы для ассимиляции покорённого или подчинённого коренного населения. При этом местная языковая традиция не обрывается, но в ней ощущаются (в разной степени и на разных уровнях в зависимости от длительности) иноязычные влияния. В отличие от субстрата, суперстрат не приводит к утрате языка, однако его влияние на развитие языка может быть очень значительным. **Адстрат** – совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования и контактов народов, говорящих на этих языках. Адстрат, в отличие от соотнесённых с этим понятием терминов субстрат и суперстрат, означает нейтральный тип языкового взаимодействия, при котором не происходит этнической ассимиляции и растворения одного языка в другом. Адстратные явления образуют прослойку между двумя самостоятельными языками. Иногда термин «адстрат» применяется для обозначения смешанного билингвизма (многоязычие).

Языковое сообщество. На первый взгляд, понятие языкового сообщества не нуждается в разъяснениях – это сообщество людей, говорящих на данном языке. Однако в действительности такого понимания недостаточно. Например, французы, живущие во Франции, и говорящие по-французски канадцы не составляют одного сообщества. Нельзя объединить в одно языковое сообщество англичан и американцев (хотя и те, и другие говорят по-английски), испанцев и пользующихся испанским языком жителей Латинской Америки и т.д. Язык один и тот же (или почти один и тот же), а сообщества разные.

С другой стороны, составляют ли разные языковые сообщества люди, живущие в одном городе, работающие на одних и тех же предприятиях, но имеющие в качестве родных разные национальные языки, – например, русские, татары, украинцы?

Именно при изучении второго рода явлений – дву- и многоязычия при общности социальной жизни – возникла необходимость в понятии «языковое сообщество»: с помощью этого понятия исследователь определяет социальные рамки, в которых функционирует один язык или несколько языков, взаимодействующих друг с другом.

Языковое сообщество – это совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности.

Границы распространения языков очень часто не совпадают с политическими границами. Самый очевидный пример – современная Африка, где на одном и том же языке могут говорить жители разных государств (таков, например, суахили, распространенный в Танзании, Кении, Уганде, частично в Заире и Мозамбике), а внутри одного государства сосуществует несколько языков (в Нигерии, например, более двухсот языков!). Поэтому при определении понятия «языковое сообщество» важно сочетание лингвистических и социальных признаков: если мы оставим только лингвистические, то речь будет идти лишь о языке, безотносительно к той среде, в которой он используется; если же опираться только на социальные критерии (включая и политико-экономические, и культурные факторы), то вне поля внимания останутся языки, функционирующие в данной социальной общности.

В качестве языкового сообщества могут рассматриваться совокупности людей, различные по численности входящих в них индивидов, – от целой страны до так называемых малых социальных групп (например, семьи, спортивной команды): критерием выделения в каждом случае должны быть *общность социальной жизни* и наличие *регулярных коммуникативных контактов*. Одно языковое сообщество может быть объемлющим по отношению к другим. Так, современная Россия – пример языкового

сообщества, которое объемлет, включает в себя языковые сообщества меньшего масштаба – республики, области, города. В свою очередь, город как языковое сообщество включает в себя языковые сообщества еще меньшего масштаба – предприятия, учреждения, учебные заведения.

Чем меньше численность языкового сообщества, тем выше его языковая однородность. В России существуют и взаимодействуют друг с другом десятки национальных языков и их диалектов, а в крупных российских городах основные формы общественной жизни осуществляются с помощью уже значительно меньшего числа языков, часто на двух (Казань – татарский и русский, Майкоп – адыгейский и русский) или трех (Уфа – башкирский, татарский и русский), а при национальной однородности населения – преимущественно на одном языке (Москва, Петербург, Саратов, Красноярск).

Лекция 6. Лингвистический, социолингвистический и психолингвистический подходы к билингвизму. Интерференция

Билингвизм изучается во взаимосвязи с речью и речевым поведением различных групп людей и является комплексной научной проблемой, исследование которой осуществляется в различных аспектах.

В лингвистике под билингвизмом понимают практику попеременного использования двух языков (определение Уриэла Вайнрайха). Проблема билингвизма с лингвистической точки зрения, по мнению У. Вайнрайха, заключается в необходимости описания тех языковых систем, которые затрудняют одновременное владение ими, предсказать наиболее вероятные трудности, которые могут возникнуть в результате контакта языков, и указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с особенностями их владения родным и иностранным языками.

Лингвистический подход изучения билингвизма тесно связан с интерференцией, появляющейся в результате взаимодействия языковых систем. **Интерференция** – процесс и результат контакта языковых систем в речи билингва, при котором одна система является доминирующей, порождающей эффект воздействия во вторичной, приобретенной языковой системе (определение Галины Михайловны Вишневской). Явления интерференции, как считает Эйнар Хауген, возникают как результат восприятия другого языка через призму родного. При этом на новую, усваиваемую систему переносятся представления о более привычной, прежней системе.

Виктор Юльевич Розенцвейг рассматривает два вида интерференции: прямую и косвенную. Для прямой интерференции характерен лингвистический перенос в промежуточную систему сопоставления двух языков правил одного из контактирующих языков, преимущественно родного языка. При косвенной интерференции происходит исключение из этой системы правил родного и иностранного языков, не поддающихся обобщению.

Юрий Алексеевич Жлуктенко выделяет признаки лингвистической интерференции: использование «чужого» языкового материала в контекстах данного языка; образование единиц из собственного языкового материала по образцу единиц контактирующего языка; наделение единиц данной системы функциями, которые присущи их иноязычным эквивалентам; стимулирующее или задерживающее воздействие единиц данной системы на функционирование единиц или моделей другой; копирование моделей одной системы с помощью средств другой системы.

Таким образом, при изучении интерференции анализируется соотношение структур и составляющих элементов двух языков, их взаимовлияние и взаимодействие.

В зависимости от лингвистического уровня взаимодействия языков выделяют фонетическую, грамматическую и лексико-семантическую интерференции.

Фонетическая интерференция характеризуется нарушением и искажением языковой системы и норм изучаемого языка в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм родного и иностранного языков (определение Н.А. Любимовой). Случаи фонетической интерференции возможны в тех ситуациях, когда изучаемые элементы иностранного языка отсутствуют в родном языке или отличаются от имеющихся. При фонетической интерференции билингв встречается с рядом проблем в процессе пользования этими языками, восприятия и анализа речи на двух языках. Фонетическая интерференция может повлиять на формирование суждения о личности собеседника. Г.М. Вишневская считает, что по характеру произношения носитель языка обнаруживает принадлежность билингва к определенной языковой общности, оценивает правильность употребления языковых форм, степень их соответствия нормам, принятым в языке. В связи с тем, что овладение всеми иноязычными фонетическими нормами, характерными для уровня носителя языка, представляется для многих обучаемых трудно достижимым, целесообразно выделять признаки иноязычного акцента, приемлемые с точки зрения носителя языка. Это ошибки, которые не затрудняют понимание. По мнению Е. Оксаар, любая попытка произнести слово иностранного языка требует определенной перестройки артикуляционной базы. В связи с этим билингву необходимо постоянно быть готовым к использованию одного из двух параллельных комплексов артикуляционных навыков. Для этого должно быть выработано умение быстро переключаться с одного языка на другой.

Для того, чтобы предотвратить и устранить фонетическую интерференцию, по мнению Ю.А. Жлуктенко, при обучении произношению следует избегать гиперкоррекции, т. е. преувеличенного внимания к соответствию форм и моделей иностранного языка его нормам, так как это может привести к появлению неестественной речи. Г.М. Вишневская указывает, что воздействие звуковой системы родного языка на звуковую систему иностранного языка прямо пропорционально увеличению линейной протяженности речевого высказывания, поэтому при формировании необходимых умений и навыков особое внимание следует уделять произношению не отдельных звуков, а слов, словосочетаний, предложений и целого текста. В.В. Кулешов, А.Б. Мишин предлагают для устранения нарушений, вызванных фонетической интерференцией, использовать три типа контроля: визуальный контроль, состоящий из «внешнего» артикулирования, характерного для нормативного английского произношения; тактильный контроль, включающий анализ характера прикосновения подвижных частей речевого аппарата к неподвижным и относительно неподвижным, установление площади контакта; акустический

контроль, направленный на определение качества звучания речи на иностранном языке.

Грамматическая интерференция – нарушение билингом правил соотнесения грамматических систем родного и изучаемого языков, которое проявляется в речевых отклонениях от грамматической нормы (определение Л.М. Паскарь). При грамматической интерференции происходят изменения в грамматических формах, моделях, отношениях и функциях. Л.М. Паскарь выделяет следующие виды грамматической интерференции: недодифференциация/недоразличение (неиспользование дифференциального признака изучаемого языка при отсутствии его в родном); свёрхдифференциация/свёрхразличение (перенос из родного языка дифференциальных признаков, отсутствующих в изучаемом языке); реинтерпретация различий/перераспределение (замена дифференциального признака изучаемого явления дифференциальным признаком родного языка).

Н. Мюллер описывает три основных типа речевого поведения билингов, проявляющегося в процессе усвоения грамматических явлений: консервативный, либеральный и крайне либеральный. Билинги, которые не допускают ошибок за счет избегания использования «сомнительных» конструкций до тех пор, пока они не убедились в том, как правильно следует говорить, используют консервативное речевое поведение. Билинги, употребляющие в течение определенного периода «сомнительные» конструкции путем попеременного применения к ним правил, существующих в двух языках, используют либеральное речевое поведение. Билинги, применяющие одновременно разные правила для одних и тех же конструкций, пользуются крайне либеральным речевым поведением. Для учителя иностранного языка использование либерального и крайне либерального речевого поведения является недопустимым, т.к. попеременное или одновременное применение грамматических правил родного и иностранного языков к изучаемым конструкциям не всегда оказывается правильным и может привести к ошибкам в речи учителя. Учитель-билингв может использовать консервативное речевое поведение в отдельных случаях, когда он не совсем уверен в адекватности применяемых конструкций и ему требуется время для уточнения и выяснения определенных вопросов, связанных с употреблением того или иного грамматического материала.

Г.В. Томсон указывает на зависимость интенсивности интерференции от степени подготовленности к речевому общению: чем ближе к спонтанности, тем сильнее интерференция. Л.М. Паскарь отмечает, что при письменных переводах также наблюдается ярко выраженная интерференция, так как билингв строит свое высказывание по образцу иноязычного текста, который сложнее и многообразнее, чем текст, построенный билингом по собственной программе.

Для предотвращения и устранения грамматической интерференции, по мнению Л.М. Паскарь, необходимо использовать три принципа: сознательности и активности, речевой направленности обучения, учета

родного и изучаемого языков. Принцип сознательности и активности позволяет учащимся получать теоретические сведения об изучаемом явлении до начала тренировки в его употреблении. После ознакомления с правилом учитель должен создавать такие ситуации на уроке, в которых обучаемые поставлены перед необходимостью применять полученные знания на практике. Принцип речевой направленности ориентирован на постоянное обеспечение речевой практики учеников, его использование позволяет активизировать знания и умения для решения коммуникативных задач. Принцип учета родного и изучаемого языков дает возможность использовать родной язык как первооснову, от которой отталкивается обучаемый, знакомясь с новыми для него иноязычными средствами и способами выражения мыслей. Этот принцип способствует акцентированию внимания на смысловом содержании речи и осмысленном выборе адекватных речевых средств на родном и иностранном языках.

Для предупреждения ошибок, вызванных грамматической интерференцией, следует разработать систему упражнений, предусматривающую использование грамматических конструкций при устном и письменном переводе текстов, создании подготовленной и неподготовленной речи. Е. Оксаар указывает на необходимость обращать внимание обучаемых на последовательность расположения слов в предложениях различных типов, на особенности использования частей речи, времен и наклонений английского языка.

Под лексико-семантической интерференцией принято понимать нарушения правил словоупотребления, конструирования предложений, существующих в иностранном языке, которые происходят под влиянием родного языка (определение А.И. Шаповалова). В качестве причин возникновения данной интерференции Л.М. Паскарь указывает формирование ошибочных словообразовательных ассоциаций из-за разного объема значений, различий в сочетаемостных возможностях, расхождений в правилах порядка слов. Для лексико-семантической интерференции характерны изменения, происходящие в составе, функциях, смысловой структуре и употреблении единиц данного уровня. Как считают С.А. Абдигалиев, Л.Н. Ковылина, для прогнозирования ошибок, вызываемых лексико-семантической интерференцией, необходим сопоставительный анализ семантической структуры соответствующих слов родного и изучаемого языков, особенностей их сочетаемости, соответствия обозначаемым явлениям действительности и правил расположения элементов предложений в двух языках.

Что касается типов билингвизма, выделяемых в рамках данного подхода, то Е.М. Верещагин предложил типологию билингвизма, в основе которой лежит критерий правильности/неправильности иноязычной речи. Он выделяет три типа билингвизма: субординативный, медиальный и координативный. Дадим краткую характеристику каждому типу билингвизма

с точки зрения его достаточности для осуществления учителем процесса обучения иностранному языку.

Субординативный билингвизм является первой или начальной стадией формирования билингвизма. В процессе его формирования второй язык как бы наслаивается на первый, происходит взаимное приспособление языков, процесс общения затрудняется интерференцией. Умения и навыки билингва, связанные с владением иностранным языком, занимают по сравнению с аналогичными умениями и навыками родного языка подчиненное место. Вследствие этого в речевых произведениях, порождаемых на основе субординативного билингвизма, устанавливается нарушение языковой системы, нормы и узуса: «система нарушена в том случае, если так сказать нельзя. Норма оказывается нарушенной тогда, когда так сказать можно, но никогда не говорится». Узус нарушается, когда форма речи не соответствует ситуации общения. Для учителя иностранного языка владение данным типом билингвизма является недопустимым, так как его речь будет содержать нарушения общепринятых правил. В действительности она должна быть правильной и представлять собой образец для подражания, в определенной степени воспринимаемый, усваиваемый и воспроизводимый учениками.

Медиальный билингвизм – вторая или промежуточная стадия формирования билингвизма. Взаимное приспособление языков продолжается, уровень интерференции постепенно снижается и для речи билингва становится характерно наличие не только неверных, но и правильных речевых произведений. Владение данным типом билингвизма является недостаточным для реализации методических и дидактических задач, связанных с организацией и осуществлением процесса изучения иностранного языка. Речь учителя является основным средством его профессиональной деятельности и должна быть не только правильной, но и риторически грамотной.

Координативный билингвизм – третья или завершающая стадия формирования билингвизма, при которой формируется такое соотношение родного и иностранного языков, взаимосвязанное одним носителем, когда они представляют собой параллельные равнофункциональные системы. Речевым характеристикам родного языка (темп речи, паузальное членение, содержательность, выразительность и др.) соответствуют аналогичные характеристики речи на иностранном языке. Как отмечает Е.М. Верещагин, в этом случае для речи двуязычного человека характерны правильные речевые высказывания и отличия от речи монолингва возможны только на лексико-семантическом уровне. Достижение данного типа билингвизма является желательным для учителя иностранного языка. Ему необходимо стараться приблизиться к владению координативным билингвизмом, работая над увеличением объема своих знаний и совершенствованием имеющихся умений.

Проблемы билингвизма представляют интерес и для социалингвистики. **Социалингвистика** – отрасль лингвистики,

занимающаяся изучением существования и функционирования билингва в обществе. В данной науке билингвизм рассматривается как «сосуществование двух языков в рамках одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта» (определение А.Д. Швейцера, Л.Б. Никольского).

В социолингвистике билингвизм рассматривается с точки зрения взаимосвязи формы и содержания речи с социальным поведением человека, под которым принято понимать воспитание, образование говорящего, общественное положение участников общения. И.Х. Мусин указывает на значимость речевого поведения для билингвов, под которым понимается процесс выбора варианта языка для построения социально корректного высказывания, процесс предречевой ориентации говорящего и слушающего в конкретной социальной ситуации.

Н.Б. Мечковская считает, что билингв постоянно находится в ситуации выбора языка для общения, соответствующего варианту речи и определенного элемента, единицы языка. Возможность выбора языка и нормативного произношения называется социолингвистической переменной, которая является единицей анализа в социолингвистических исследованиях. Р.Т. Белл предлагает выделять социолингвистические правила, согласующие языковой выбор с социальными факторами на микроуровне индивидуального употребления и на макроуровне выбора национального (государственного) языка.

Аспекты языка рассматриваются как социально обусловленное варьирование языка, поэтому речевое поведение билингва рассматривается как процесс выбора варианта для построения социально корректного высказывания. Предпринимаются попытки выявить механизм отбора социально значимых вариантов, установить критерии выбора, определить социальные факторы, которые заставляют предпочесть один вариант другому. Целью социолингвистического анализа является определение социальных норм, детерминирующих речевое поведение общающихся. К основным социальным составляющим речевого поведения билингва А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский относят социальные роли, социальные статусы, социальные установки, ориентацию на определенные социальные ценности и нормы. Е.М. Верещагин считает, что при анализе речевого поведения обязательно следует обращать внимание на обстановку, в которой происходит общение, выбор темы, использование привычных сравнений, намеков, способов поддержания беседы, невербальные средства общения.

Л.П. Крысин отмечает, что билингвизм с точки зрения социолингвистики подразумевает владение следующими умениями: умение выражать заданный смысл всеми возможными в данном языке способами;

умение адекватно использовать речевые средства, обусловленные национальной спецификой; умение применять языковые знания в соответствии с речевой ситуацией.

Социолингвистическое изучение билингвистического материала предполагает, по мнению Ю.Д. Дешериева, И.Ф. Протченко, обязательное сравнение и сопоставление материала на двух языках, выявление и учет билингвистических соответствий и установление потенциальных источников интерференции. Кроме того, обращается внимание на социально-территориальные, возрастные, образовательные, профессиональные, исторические характеристики.

Т.А. Бертагаев разработал социолингвистическую типологию билингвизма, основанную на степени соблюдения/несоблюдения норм родного и иностранного языков. Он выделяет нормативный, односторонне-нормативный и ненормативный билингвизм. Нормативный билингвизм предполагает соблюдение норм родного и иностранного языков. Односторонне-нормативный билингвизм характеризуется соблюдением норм только одного из языков, чаще всего родного. Ненормативный билингвизм представляет собой нарушение норм иностранного языка частично или полностью.

Т.А. Бертагаев предлагает также выделять индивидуальный, групповой, массовый и всеобщий билингвизм в зависимости от степени охвата людей, владеющих родным и иностранным языками; при этом уровень владения языками не принимается во внимание. Индивидуальный билингвизм встречается у единичных носителей языка. Групповой билингвизм охватывает компактную группу населения. Массовый билингвизм характерен, когда основная масса населения активно или пассивно владеет двумя языками. Всеобщий билингвизм присущ всему населению, владеющему двумя языками.

В зависимости от сферы использования билингвизма Т.А. Бертагаев подразделяет билингвизм на бытовой и целевой. Бытовой билингвизм предполагает аддитивное (попеременное) употребление фраз и выражений родного и иностранного языков в пределах одного предложения в повседневных ситуациях общения. Целевой билингвизм характерен для людей, профессиональная сфера которых непосредственно связана с использованием двух языков – родного и иностранного – в своей речевой деятельности. А.П. Юдакин считает целесообразным выделять еще и академический билингвизм, который распространяется на людей, овладевающих иностранными языками в масштабе государства (систематически в учебных заведениях – в школах, вузах) и в частном порядке (на курсах, самостоятельно).

Профессиональная педагогическая деятельность учителя иностранного языка представляет собой целевой билингвизм, так как учителю на всех ступенях обучения приходится использовать не только изучаемый язык как средство общения с учащимися во время урока, но и родной. На начальной

ступени обучения знания учеников по иностранному языку ограничены, их словарный запас и владение небольшим количеством грамматических структур позволяют понимать первичную информацию только на русском языке. На средней ступени обучения использование родного языка сокращается, но остается при объяснении нового материала и домашнего задания. На старшем этапе обучения родной язык используется в случаях затруднения понимания учениками иностранной речи. С точки зрения соблюдения норм родного и иностранного языков, учитель должен владеть нормативным билингвизмом, что позволит ему эффективно осуществлять профессиональную деятельность с использованием коммуникативной целесообразности.

В социолингвистике для изучения иностранного языка А.Д. Кохен выделяет несколько моделей: дублирующая модель; аддитивная модель; сопровождающая модель; разделительная модель; дополняющая модель.

Дублирующая модель направлена на предъявление одной и той же единицы содержания на родном и иностранном языках. Модель позволяет осуществлять накопление фонда языковых средств, способных адекватно выразить предметное содержание. При использовании этой модели у обучаемых формируется устойчивая ассоциативная связь между содержательными единицами и набором языковых средств. Аддитивная модель ориентирована на предъявление на иностранном языке дополнительных сведений, обогащающих содержание рассматриваемого материала на родном языке. При применении сопровождающей модели осуществляется синхронный перевод каждого слова, предложения или абзаца речи учителя, выполняемый им в ходе ведения урока. Модель дает возможность сравнивать, сопоставлять способы передачи содержания высказывания средствами двух языков. При реализации разделительной модели изучение части дисциплин происходит на родном языке, другой части – на иностранном языке. При изучении дисциплин на иностранном языке используется вытесняющая модель, в которой обучение осуществляется только на иностранном языке. Дополняющая модель обеспечивает овладение первичной информацией по всем изучаемым темам на родном языке обучаемых, так как он является первоосновой, от которой они отталкиваются при изучении новых иноязычных средств общения. С помощью этой модели представляется возможным обеспечение максимально возможного понимания учащимися содержания материала и возможности участия большинства из них в процессе работы. При выборе языка как средства общения на уроке учителю следует учитывать уровень подготовленности учащихся и исходя из этого выбирать соответствующие модели изучения иностранного языка.

Таким образом, в лингвистике и социолингвистике при изучении проблемы билингвизма пристальное внимание уделяется выявлению и анализу компонентов, имеющих профессиональную значимость для деятельности учителя иностранного языка, практическое применение

которых будет способствовать более эффективному овладению изучаемым языком. В рамках лингвистического подхода исследуется явление интерференции, ее признаки на различных уровнях, осуществляется разработка рекомендаций по ее преодолению и предотвращению, разработана типология билингвизма, в основе которой лежит критерий правильности/неправильности иноязычной речи, дана характеристика выделенным типам билингвизма с точки зрения их достаточности для осуществления учителем процесса обучения иностранному языку. В социалингвистике рассматривается связь билингвизма с социальным поведением человека, выявляются условия, влияющие на выбор вариантов речи и поведения, разработаны типологии билингвизма, основанные на степени соблюдения/несоблюдения норм родного и иностранного языков, степени охвата людей, владеющих родным и иностранным языками, сфере использования билингвизма, дана характеристика профессиональной педагогической деятельности учителя с учетом необходимости владения соответствующими типами билингвизма. Для повышения эффективности организации процесса обучения иностранному языку предлагается использовать различные модели построения занятий, наиболее целесообразные типы речевого поведения, которые позволяют варьировать способы изучения и закрепления материала в зависимости от преимущественного применения языка (только иностранный или иностранный и родной).

Двуязычие может быть определено в общих чертах как одновременное использование двух или более языков или диалектов в повседневной жизни. Использование этих языков также подразумевает их знание и признание, а также необходимость в двух языках. Однако следует провести четкое различие между изучением языка и использованием языка. Языки билингвов могут меняться с течением времени. Это связано с тем, что многие люди считают, что билингвы владеют двумя языками в одинаковой степени, и это распространенная ошибка. Большинство из них приобретают второй язык не с детства, а в подростковом или зрелом возрасте. Это объясняется тем, что билингвы используют язык в разных повседневных ситуациях для разных целей. Таким образом, уровень владения языками будет зависеть от потребности в этих языках, в результате чего навыки владения одним из языков, вероятно, будут лучше, чем другим.

Прежде чем сосредоточиться на психолингвистических аспектах билингвизма, важно определить, что такое психолингвистика. **Психолингвистика** – это междисциплинарная область знания, цели которой заключаются в том, чтобы понять, как люди изучают и используют язык, чтобы разговаривать и понимать друг друга, и как язык представляется и обрабатывается в мозге.

Когда говорящий считается билингвом, он должен иметь возможность переключаться с одного языка на другой, однако отделять оба языка друг от

друга. Один язык нельзя полностью отключить, когда другой используется, но оба языка должны взаимодействовать одновременно.

Билингвизм можно разделить на два типа: одновременный и последовательный, в зависимости от способа и момента приобретения каждого языка.

Дети-билингвы следуют тем же моделям и стадиям усвоения языка, что и дети-монолингвы. Эти этапы показывают постепенное развитие, как сочетание врожденных теорий и когнитивной зрелости.

Дети слышат язык даже в утробе матери, начиная с четвертого месяца. Но еще более удивительно то, что с шестого месяца ребенок может реагировать на внешние звуки.

После рождения дети могут различать фонетическую систему в новом для них языке, им достаточно лишь слышать этот язык, чтобы овладеть им. Единственное возможное и важное различие между монолингвами и билингвами заключается в том, что тем, кто подвергается воздействию двуязычной среды, требуется больше времени для ответа на стимулы на родных языках, чем на незнакомых языках. Детям-монолингвам не требуется больше времени для ответа на незнакомый язык. Это может быть связано с тем, что билингвам требуется время, чтобы определить, принадлежит ли звуковая информация к какому-либо из их родных языков, в то время как монолингвы должны сравниваться только с одним языком.

Выделяют четыре этапа или стадии эволюции языка. Первый носит название «прелингвистический». Учитывая, что детский лепет свидетельствует о фонологических особенностях нужного языка, можно увидеть дифференциацию языка уже на стадии бормотания и даже определить доминирующий язык у младенцев.

Голофрастический этап. Ребенок понимает, что комбинации слов выражают больше, чем значение только одного слова; понимает, что такое действие, объект, местоположение, отклонение или отказ. В возрасте 18 месяцев дети имеют в среднем 50–100 слов в своем словарном запасе.

Дошкольный период. Этот этап длится от двух до пяти лет и в основном характеризуется развитием лексики и прогрессом в создании синтаксических структур. Эти структуры просты, но имеют сложные значения. Шаг за шагом дети постепенно строят более сложные структуры. На этом этапе появляются знания о названиях букв, звуков, чисел. Дети начинают использовать вопросы «когда» и «как», а также некоторые союзы.

Дети-билингвы используют менее богатую лексику в обоих своих языках, в то время как монолингвы имеют более широкий лексический запас. Но, согласно некоторым исследованиям, билингвы имеют большее количество слов в своих лексиконах, чем монолингвы. Это значит, что «нет недостатка в лексическом потенциале». Тем не менее, билингвам требуется больше времени на пополнение словарного запаса из-за того, что они слышат слова реже, чем монолингвы.

Продвинутый этап. Начинается, когда детям исполняется 5 лет. Они уже могут строить сложные предложения. Дети от 5 до 9 лет реорганизуют свои лексические знания в форме эпизодических семантических сетей. Их словарный запас увеличивается до более чем 5000 слов, поскольку школа знакомит их с новыми словами. Определения слов включают синонимы и категории.

Наконец, между 9 и 18 годами дети и подростки могут объяснить связь между значениями многозначных слов; они понимают самые распространенные идиомы и могут объяснить смысл пословиц в контексте. Они приобретают более абстрактный и специфический словарный запас. После всех этих этапов можно сказать, что случай билингвизма был полностью достигнут.

Если одновременное овладение двумя языками происходит с момента рождения или в течение первого года жизни, то последовательное овладение языком может происходить в любой момент жизни: детство, юность или зрелость.

Существует явное различие в процессе обучения второму языку в зависимости от того, является ли учащийся взрослым или ребенком. Говорят, что дети имеют способность выучить более одного языка одновременно или последовательно, и что у взрослых обычно возникают трудности даже после многолетнего изучения языка.

Процесс обучения также зависит от мотивации, культурного влияния и когнитивных факторов. А также те, кто изучают язык в зрелом возрасте, используют стратегии, сравнивающие первый язык со вторым, что помогает лучше понять новый язык.

В настоящее время билингвизм не всегда воспринимается положительно. В некоторых странах двуязычие является результатом, например, иммиграции. Но, к счастью, в большинстве стран билингвизм воспринимается положительно благодаря возможности общаться с другими носителями языка, узнать другие культуры и другое. Во многих странах Африки или Азии, все население говорит, по крайней мере, на двух языках, что является нормой.

Как уже упоминалось, несколько лет назад, билингвизм рассматривался как нечто негативное, и то же самое произошло, если мы говорим о влиянии на личность говорящего. Считалось, что билингвы всегда страдают проблемой идентичности личности. Но иногда негативные последствия возможны, особенно в некоторых социальных условиях, которые не являются благоприятными.

И взрослые, и дети могут страдать от социальных условий, которые влияют на развитие их личности. Обычно взрослые страдают психосоматическими заболеваниями из-за социальных конфликтов. У детей обычно возникают проблемы в школе, если они относятся к группе меньшинств, что провоцирует агрессивное поведение некоторых детей и дискриминацию.

Подводя итоги, можно сказать, что человек, подвергающийся воздействию двух языков с момента рождения, приходит в состояние полного билингвизма примерно в возрасте 5 лет, когда он способен создавать сложные предложения и имеет широкий спектр лексики. В случае последовательного приобретения двух языков мы должны упомянуть о существовании критического периода для автоматического овладения вторым языком. Этот период начинается в возрасте двух лет и продолжается до полового созревания, после этого периода процесс приобретения будет более медленным и еще менее успешным.

Что касается влияния билингвизма, мы можем получить как позитивный, так и негативный эффект. Например, в случае языковых навыков дети достигают положительных результатов в обоих языках, если они находятся в ситуации погружения, например в двуязычном образовании. С другой стороны, его можно считать негативным, если дети недостаточно усвоили свой родной язык, так как это приведет к задержке в развитии первого языка. Несмотря на это, результаты будут положительными, как только дети закончат процесс освоения обоих языков, хотя он будет происходить медленнее.

Что касается когнитивного влияния, можно сказать, что дети-билингвы не только достигают высокого уровня владения обоими языками, но и более высоких академических результатов.

Лекция 7. Иноязычие как метакомпонент поэтического текста. Терминоконцепт билингвемы в поэзии

В числе прочих составляющих, из которых складывается и на которые делится в ходе лингвистического анализа художественный текст, ученые вычленяют так называемые метатекстовые элементы. Одним из первых концепцию метаязыка и метатекстовых элементов высказывания выдвинул и развил в своих трудах Р. Якобсон. Согласно его теории, любой такой элемент есть часть высказывания, которая выполняет в нем метаязыковую функцию; последняя же заключается в том, что предметом речи, т.е. ее денотатом, становится не само сообщение (в нашем случае текст), а его код.

Несколько иную, более расширенную трактовку метатекстовых элементов находим в известной статье А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» (1978 г.), где такие элементы образно именуется «метатекстовыми нитями» – по-видимому, еще и по той причине, что обеспечивают тексту-высказыванию связность. В соответствии с концепцией этого исследователя, к метатекстовым следует причислять такие части высказывания, которые выражены в единицах языка и речи, но которые опираются, в качестве своих референтов, на весь акт текущего высказывания (если речь идет о..., откровенно говоря...), или на собственные слова, произнесенные автором ранее (иными словами..., иначе говоря..., короче говоря...), или на слова, которые автор только готовится произнести (что касается...), или на слова, от которых он «отмежевывается» как от чужих (как будто..., якобы..., вроде бы...). Метатекстовые элементы могут также опираться на «дистанцию» по отношению к отдельным элементам внутри предложения (собственно говоря..., довольно..., почти..., скорее...), или на связь между различными фрагментами высказывания (кстати..., *nota bene*, между прочим..., впрочем...), а также на определенные предшествующие части текста (это, то, там, ранее).

Метатекстовые элементы, помимо обеспечения связности текста, еще и переключают внимание получателя на наиболее важные (с точки зрения автора) фрагменты текста, помогают ему лучше ориентироваться в текстовом пространстве, активизируют в сообщении анафорические и катафорические связи и в конечном счете выступают «метаорганизаторами» текста. Отдельную их группу составляют выражения, в которых эксплицитно упоминается акт речи (иначе говоря...), но есть и такие, которые «указывают направление хода мысли» – в них коммуникация только имплицитно (между прочим...). «Наши высказывания, многократно гетерогенные, гетерогенны также в том смысле, что в них часто переплетается собственно текст с текстом метатекстовым. Эти метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции. Они проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют.

В рассуждениях о речевых метатекстовых элементах и Р. Якобсона и А. Вежбицкой обнаруживается существенное согласие в том, что эти элементы не являются знаками текста: все они – либо знаки языка, временно,

т.е. исключительно в данном контексте, выполняющие метатекстовую функцию, либо речевые клише, обладающие указанными свойствами всегда, независимо от контекста. Попадая из системы языка в систему текста, они не претерпевают серьезных изменений в том, что касается их семантических свойств. В этом смысле любой метатекстовый элемент универсален.

Развивая и дополняя идеи А. Вежбицкой, Т.М. Николаева пишет: «Метатекстовые компоненты могут функционально соотноситься, с одной стороны, с такими категориями текста, как «чужое слово», отношение к нему, выраженная модальность. С другой стороны, они соотносятся с категориями приблизительности, неопределенности имени, а через последнюю – с экзистенциальностью и интродуктивностью». С этих позиций уже можно с уверенностью предполагать, что метатекстовость как свойство определенных – не всех и подчас не самых многочисленных и/или внешне значимых – компонентов художественного текста является существенной и едва ли не обязательной его характеристикой, но пребывает в определенном соотношении с остальными его компонентами, как и с текстом в целом, ни в коем случае не подавляя и не исключая ни первых, ни второго. «Не будучи <...> обращенными непосредственно к нити основного повествования текста, метатекстовые компоненты вносят некий дополнительный смысловой «этаж» в содержание текста, обнажая его внутреннюю структуру, его соотношение с другими текстами и самим собой, его внешнюю и внутреннюю цитацию».

Одновременно следует отдавать себе отчет и в том, что метатекстовый компонент – это знак, принимающий участие в формировании текста и передаче тончайших оттенков его содержания. И если метаязыковым знаком является любой знак языка, денотатом которого выступает другой знак (соответственно, метазнак – это знак знака), то метатекстовым знаком следует признать любой компонент текста, денотатом которого выступает другой текст (ср. с приведенной выше характеристикой метакомпонента как «чужого слова»). Другими словами, метатекстовым компонентом мы вправе считать любой текстовый знак, отсылающий не к данному, но к иному высказыванию (или же не к данному фрагменту высказывания, но к иному его фрагменту).

Одной из широко распространенных разновидностей метатекстовых знаков-компонентов (подобно «метаорганизаторам», также выполняющим индексальную функцию) являются те, которые напрямую связаны с другим текстом, представляя этот текст, замещая его или отсылая к нему. Отсюда логически вытекает понятие цитатности как свойства любого текстового метакомпонента. «...Цитирование, как явное, так и имплицитное, также может быть структурным средством метатекстовой организации. Обращение к чужой речи есть результат заботы о точности своего кода. Это же коммуникативное стремление обнаруживаем и за толкованием, переводом слова или выражения чужого языка».

Итак, в ряду видимых и вполне бесспорных на фоне материнского, обрамляющего или принимающего текста метатекстовых знаков пребывает

и иноязычие, поскольку факт инкорпорирования в сообщение компонента, не заимствованного из другого национального языка, но очевидно относящегося к нему, может во всяком случае расцениваться как межъязыковая цитата.

Разумеется, между «метатекстовыми нитями», выделенными А. Вежбицкой и представленными, в числе прочего, вводными конструкциями-клише типа иначе говоря..., короче говоря... и др., и иноязычными метакомпонентами художественного текста существуют значительные различия, относимые прежде всего к сфере функциональной направленности тех и других. Если вводные слова, как правило, возникающие в устной разговорной речи и проникающие в письменные тексты из последней, наиболее очевидно функционируют как метаорганизаторы высказывания, то функциональный репертуар, которым наделено иноязычие в художественном, в частности стихотворном тексте, достаточно сложен и широк. Такой иноязычный метакомпонент способен выполнять самые различные, часто несоотносимые друг с другом функции от создания юмористического эффекта (макароническая «шутка», механизм которой заключается в простом соположении фактов двух языков или, в более сложных случаях, основан на действии межъязыковой омонимии) до формирования синкретичного, емкого по своей семантике и разнонаправленного по ассоциативным связям знака, в котором в скрытом и свернутом виде пребывает узловая концепция всего сочинения. Специфика функций в каждом конкретном случае пребывает в согласии с авторскими интенциями и соотнобразится с такими «внешними» факторами, как роль компонента в произведении (заглавие, подзаголовок, эпиграф, внутритекстовое иноязычие и т.д.), его расположение в структуре текста (сильная позиция, слабая позиция; начальный фрагмент, конечный фрагмент, середина и т.д.). В особых случаях один такой компонент может сочетать в себе несколько функций сразу.

Обозначенный подход к изучению художественно-поэтического иноязычия, предпринятый в настоящей работе, может и должен быть продолжен и дополнен следующим терминологическим предложением. Любую манифестацию иноязычия в поэтическом контексте, тексте и, шире, творчестве конкретного автора было бы логично называть билингвемой. Данный терминоконцепт вводится в научный обиход впервые для обозначения минимальной внеуровневой единицы выражения, чье присутствие делает художественную речь двуязычной.

В устном выражении билингвема может быть представлена меризмом, воспринимаемым как «искусственный иностранный акцент» или, в любом случае, как уход от общепринятого стандарта. Так, при анализе записей стихов в исполнении одного из авторов «серебряного века» отмечалось, что «в звучащей речи А. Ахматовой все иноязычные слова – имена собственные, имена нарицательные – произносятся в соответствии с правилами произношения заимствованных слов: [о]фелия, [о]дические, п[о]эт, б[о]скет, к[о]рсет, ск[э]рцо. С другой стороны, здесь можно говорить и об отражении

норм высокого сценического произношения». На письме эта особенность часто находит отражение в виде графонов, определяемых как намеренное нарушение орфографических норм с целью отражения произносительных особенностей персонажей. В тексте к минимальной по объему ее выражения билингвеме отнесем однобуквенную иносистемную аббревиатуру. «Верхняя граница» манифестаций билингвем также не носит раз и навсегда определенного характера. Максимально протяженной билингвемой можно считать относительно самостоятельное завершённое высказывание на иностранном языке, включенное в текст на родном языке, т.е. текст внутри текста (хорошей иллюстрацией здесь служат эпиграфы на иностранных языках). Если же в качестве принимающей среды рассматривать все литературное наследие данного автора, то билингвемой может оказаться самостоятельный, завершённый текст, не исключенный из макроконтраста авторского творчества. Взгляд на феномен иноязычия как на текстовый метаконструктив и одновременно билингвему имеет еще и то преимущество, что при нем удается преодолеть формальные границы, возникающие между единицами выражения при сопоставлении их объема и языкового статуса: понятие «метаконструктив-билингвема» объединяет в себе принципиально разноуровневые языковые манифестации.

Неслучайное присутствие иноязычия в произведении художественной литературы следует рассматривать как интеграцию в едином тексте двух коммуникативных систем. Из них одна служит основной, базовой (первый язык писателя), а другая – вспомогательной, служебной, «удаленной» от смыслового центра. Вторая из названных систем представлена особыми знаками – ведь «унитарными носителями информации о фактах культуры могут быть только знаки, объединяемые в семиотические системы». Две эти системы сближаются, а подчас и сталкиваются, контрастно противопоставляются друг другу, в результате чего возникает ряд дополнительных ассоциаций, выстраиваются новые смысловые ракурсы, перераспределяются эстетические акценты. Но даже при максимальном сближении двух систем их знаки не смешиваются. Так происходит не только в синхронном сосуществовании и взаимодействии систем, но и в их генезисе: «каждый класс семиотических систем в процессе развития не смешивается с другими классами и сохраняет свою информационную содержательную идентичность».

Наконец, иноязычный компонент, сознательно и в известном смысле закономерно внедряемый автором в ткань произведения, чаще всего используется в художественном тексте как важный и действенный стилистический прием, превращаясь в характерную черту идиостиля автора, своеобразный признак *poetic diction*, если речь идет о стихах.

Роль билингвемы в литературном произведении может на первый взгляд показаться скромной и не заслуживающей повышенного внимания со стороны исследователя-лингвиста. Причину можно усматривать в том, что реальное соотношение между первым и вторым языком в таком тексте

никогда не бывает равнозначным или тем более смещенным в пользу последнего.

Такое впечатление, однако, вполне способно оказаться обманчивым. Инкорпорированное в текст иноязычие – прием достаточно нетрадиционный, редкий, неслучайный по самой своей сути, а потому яркий и почти всегда наделяемый особым ролевым комплексом. Его смысловая нагрузка может быть чрезвычайно весомой и колебаться от необходимости создания в произведении специфической «иностранный» атмосферы до выполнения функций ключевого фрагмента текста, без которого понимание замысла автора невозможно и который в этом отношении не допускает никакого замещения или изменения собственного формата и объема.

Желая продемонстрировать, сколь уникальным, ценным и функционально сложным может стать в художественном произведении иноязычный метакомпонент, воспользуемся стихотворением Юрия Левитанского из его сборника «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» (1981):

Шампанским наполнен бокал.
Июльская ночь на ущербе.
Прощай, Баденвейлер,
ich sterbe!
И допит последний глоток.
Немецкий уснул городок.
Подумай, какая досада!
Лишь ветки вишневого сада
белеют в июльской ночи.
Колеблется пламя свечи.
Актриса известная плачет.
Не знаю, зачем она прячет
последние слезы свои.
К чему здесь сейчас соловьи!
Последние слезы горючи.
Шиповника стебли колючи.
Крыжовника иглы остры.
И будут рыдать три сестры
И многие сестры иные.
Немногие братья родные
и множество братьев иных.
...Немецкий уснул городок.
Но он уже скоро проснется.
Его это тоже коснется,
но только потом,
и не так.
Зачем эти розы цветут?

Как все в этом мире похоже.
И на Новодевичьем то же
такие же розы, как тут.
Я тоже уеду туда,
к тем розам,
к березе и к вербе.
Ich sterbe,
ich sterbe,
ich sterbe –
и это уже навсегда.

Итак, перед нами поэтический текст, разбитый на восемь строф по четыре стиха в каждой, написанный регулярным трехстопным амфибрахией. Достаточно необычной для русской поэзии является система рифм: в то время как вторая и третья строки каждой строфы связаны друг с другом смежными женскими рифмами, последняя строка, оканчиваясь мужской клаузулой, рифмуется с первой строкой следующей за нею строфы, имеющей то же ритмическое окончание. Из других существенных формальных особенностей отметим дробление стихов в нескольких строфах, прежде всего первой и последней, на ряд «висячих строк». Эта графико-интонационная черта оба раза помечает собою иноязычный компонент, воплощенный в одной и той же фразе *ich sterbe* – «я умираю».

По стилю изложения произведение представляет собой внутренний монолог, в котором использован прием «потока сознания». В какой ситуации, от чьего лица произносятся эти слова и фразы, кому они адресованы, чьи мысли переданы в стихотворении, кто его герой? Все это читателю, казалось бы, не явлено, но в тексте имеется целый ряд важных сигналов-указаний, которые распределены по его структуре сравнительно равномерно. Среди них – топоним Баденвейлер (*Badenweiler*), небольшой курортный город в Германии; в предпоследней строфе – название кладбища в Москве (Новодевичье); во второй и пятой строфах это словосочетания вишневый сад и три сестры, в четвертой – слово крыжовник; в первой строфе встречаем «бокал, наполненный шампанским», в третьей – упоминание некоей актрисы известной; и наконец, обрамляющим рефреном всего произведения звучат немецкие слова *ich sterbe*, появляясь в начале стихотворения и затем в его конце, причем в последней строфе дополнительно и контактно, через запятую, повторяясь трижды.

Не нужно быть специалистом-филологом, чтобы понять, что текст стихотворения, которое намеренно лишено автором заглавия, отсылает к личности Антона Павловича Чехова: здесь прежде всего эксплицированы названия его произведений (пьесы «Вишневый сад», «Три сестры», рассказ «Крыжовник»). Внимательный читатель также догадывается, что воображаемый автором монолог произносится самим героем, который, как известно, окончил свои дни в июле 1904 г. в Германии, но был похоронен в

Москве на Новодевичьем кладбище, и речь здесь идет о последних часах в жизни писателя. Темы шампанского в бокале, горящей свечи, сада за окнами, цветущих роз также имеют вполне конкретную опору в виде соответствующих реалий, а под «актрисой известной» подразумевается супруга Чехова О.Л. Книппер. Происходящее дано как бы в восприятии и через сознание тяжело больного, умирающего человека.

Все показанное помогает лучше и быстрее осмыслить «декорацию» стихотворения, установить личность героя, время и место действия, описываемое событие и даже приблизиться к замыслу стихотворения, – но все это лишь в самых общих чертах. Окончательное же понимание масштабов авторского замысла возможно только в результате концентрации читательского внимания на иноязычном метатекстовом компоненте.

Ich sterbe – это завершённое двусоставное полное предложение; в данном тексте оно представляет собой точную цитату, в которой передана некогда реально произнесенная фраза. Необходимость и особая значимость введения немецкого высказывания в текст видятся сразу на нескольких уровнях. Во-первых, будучи цитатой, эти слова «объективируют» ситуацию: они, вместе с другими «знаковыми» фрагментами текста, – это «то, что действительно было», в то время как все остальные его фрагменты, как и весь внутренний монолог, – это вымысел автора, т.е. «то, что могло быть». Во-вторых, введение в ткань произведения факта, репрезентирующего иную языковую систему (немецкий язык) уже несет в себе ту информацию, что сцена действия находится вне России, за ее пределами, а именно в Германии (подкреплено дважды повторенным немецкий уснул городок). В-третьих, в самой этой фразе, в одновременной прецедентности ее произнесения реальным лицом и героем стихотворения заключен важный парадокс в том смысле, что едва ли не последние слова в своей жизни великий русский писатель говорит на иностранном, неродном для себя языке. И здесь вполне уместно следующее предположение: именно данный факт из биографии Чехова поражает автора стихотворения настолько, что служит ему толчком для раздумий, которые и приводят к созданию текста. По всей вероятности, и стихотворный метр русского произведения возник «после» немецкой фразы, в которой слышится четкий амфибрахий. Во введении в текст иноязычия, что особенно существенно, кроется и самая «сокровенная мысль» произведения: после своей смерти Чехов перестает быть только русским писателем и драматургом, его творчество получает небывалое признание за пределами России и приобретает европейское (...Немецкий уснул городок.//Его это тоже коснется), а затем и мировое значение.

То, чему предстоит произойти после показанных в тексте событий и что предвидит герой, может интерпретироваться как одновременное движение в двух противоположных направлениях (здесь и кроется упомянутый нами выше «смысловый парадокс»): тело писателя возвращается в Москву, на Новодевичье кладбище, а его произведения продолжают свое победное шествие далеко за пределы России, русского языка, русской

литературы и культуры. Таким образом, фраза *ich sterbe*, чья исключительная роль в восприятии произведения подчеркнута автором многократно и вариативно (иной язык, контрастная тексту алфавитная система, графическая выделенность «висячими строками», вовлеченность в точную рифму, контактно-дистантная повторяемость), не просто стягивает, сосредоточивает на себе те «частные» смыслы, которые распределены по всему тексту и выражены в нем иными средствами, но и поднимает читательское восприятие на более высокий уровень, недостижимый в случае употребления автором каких-либо иных средств. Немецкое *ich sterbe* не должно и не может здесь переводиться как «я умираю» – не потому ли текст данного стихотворения в разных изданиях всегда и вопреки сложившимся традициям печатался без перевода-комментария, способного лишь ввести в заблуждение? Скорее, понимать и трактовать иноязычие здесь следует в духе, прямо противоположном словарному. Верность нашей интерпретации подтверждается и возникающей в конце стихотворения интонационной определенностью речи (рифмовая «правильность», «регулярность» строфы), и завершающей, итоговой сентенцией произведения, в которой навсегда относится вовсе не к *sterbe*, но к духовному наследию русского писателя, которому предстоит получить посмертную известность и славу одного из самых значительных литераторов едва начавшегося столетия и последующих времен.

Для окончательной убедительности приведенных аргументов сравним рассмотренный поэтический текст с описанием тех же событий, которое находим в художественной биографии А.П. Чехова:

«Развязка наступила в ночь с 1 на 2 июля 1904 года. <...> После относительно спокойного дня 1 июля больной заснул, но вскоре, около часа ночи, проснулся и попросил пригласить врача. Впрочем, когда пришел врач, Чехов сам сказал ему, что умирает. Сказал, что посылать за кислородом не следует, так как пока его принесут, он уже будет мертв. Доктор велел дать умирающему бокал шампанского. Чехов взял бокал и, как вспоминает Ольга Леонардовна, повернулся к ней, «улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда...» Похороны состоялись в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря».

Как видим, и в этом тексте имеется множество конкретных деталей, а также ряд отсылок и цитат, которые также должны расцениваться как метакомпоненты текста. Однако никаких дополнительных смыслов, которые находим в стихотворении Ю. Левитанского, данный фрагмент не содержит и не допускает. И это закономерно: скорее всего, их и не должно быть в соответствии и с жанром текста, и с намерениями другого автора. Примечательно, что наиболее важная для нас реплика Чехова о смерти не только передана здесь в косвенной речи (у Левитанского – в составе внутреннего монолога), но при этом никак не обозначен тот язык, на котором она была произнесена, поскольку такая информация представляется здесь

лишней, несущественной. Вдумчивому, заинтересованному читателю остается только догадываться, что, поскольку приглашенный врач мог быть никем иным, как только немцем, то и обращаться к нему Чехов мог лишь по-немецки.

На примере иноязычия мы продемонстрировали, что метатекстовый компонент-билингвема, входя на правах полноценного составного элемента в любой текст, проявляется в различном текстовом окружении (в текстах разных жанров) неодинаково. В структуре художественного, в частности, поэтического произведения его конвенционально-коммуникативные функции заметно затухают, что проявляется в полной или частичной утрате им «словарного денотата». Одновременно на передний план начинает выводиться функция эстетическая, обнаруживаемая, в частности, в существенном расширении смысловых границ всего произведения и, в целом, в передаче значений, имеющих сложную, «многослойную» структуру. Иноязычный метатекстовый компонент поэтического текста может выдвигаться на позиции ведущего, ключевого фрагмента произведения и концентрировать в себе все те частные смыслы, которые относительно равномерно распределены по ткани (пространству) произведения или не заявлены в нем никак иначе. В указанном отношении иноязычие уникально и едва ли допускает замещение какими-либо альтернативными средствами языка и речи или иные критические модификации.

Все билингвемы текста, однако, необходимо различать по меньшей мере по шести следующим признакам: во-первых, по их отношению к национальному языку обрамляющего текста; во-вторых, с позиций их изобразительно-экспрессивных возможностей; в-третьих, с позиций их графического оформления (оригинальная, «исконная» графика, например, латиница, или, с другой стороны, транслитерация кириллицей); в-четвертых, с точки зрения их отнесенности к определенной национально-языковой системе; в-пятых, с позиций их квантитативно-сущностных характеристик (объем и лингвистический статус внутри текста); и в-шестых, с точки зрения их размещения и функций внутри структуры текста (в зависимости от «места» в тексте такой метакомпонент способен нести на себе функции заглавия, эпиграфа, внутритекстового компонента и т.д.). Разумеется, все шесть названных признаков следует рассматривать как интегральные: они не исключают друг друга и в художественном тексте неизбежно выступают в одновременном и взаимном сочетании. Рассмотрению каждого из них в отдельности и посвящены последующие параграфы настоящей главы.

Практическая часть

Практическое занятие № 1

Тема. Двухязычная языковая ситуация. Билингвизм

1. Языковая ситуация.
2. Виды языковой ситуации.
3. Двухязычная языковая ситуация.
4. Билингвизм.

Практическое занятие № 2

Тема. Классификация видов билингвизма. Направления изучения билингвизма

1. Классификация и виды билингвизма в концепции Е.М. Верещагина.
2. Активное двуязычие.
3. Пассивное двуязычие.
4. Контактное двуязычие.
5. Неконтактное двуязычие.

Практическое занятие № 3

Тема. Билингвизм в различные исторические эпохи

1. Билингвизм в Античности.
2. Билингвизм в Средние века.
3. Билингвизм в эпоху Просвещения.
4. Билингвизм в Новое время.
5. Билингвизм в XX в.
6. Билингвизм в наши дни.

Практическое занятие № 4

Тема. Понятие «билингв»

1. Понятие «билингв»: определение, трактовки и объем понятия.
2. Понятие «уровень владения языком».
3. Различные классификации уровней владения определенным языком как иностранным: на примере английского (классическая классификация и Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment) и русского (квалификационные уровни).
4. «Билингв» как человек, способный общаться и достигать взаимопонимания на двух языках. Соотношение выделяемых уровней владения иностранным языком с понятием «билингв».
5. Изучение билингвизма в лингвистике: теория языковых контактов, лингвистическая контактология, билингвология, онтобилингвология.

Практическое занятие № 5

Тема. Диглоссия и билингвизм

1. Явление диглоссии.
2. Понятие «классической», «внутриязыковой» диглоссии.
3. Термины «in-diglossia» и «out-diglossia».

4. Соотношение понятий «билингвизм» и «диглоссия».

Практическое занятие № 6

Тема. Билингвизм и общество. Многообразие билингвальных обществ в современном мире

1. Дву- и многоязычные сообщества в современном мире.
2. Официальное многоязычие (Швейцария: немецкий, французский, итальянский и ретороманский).
3. «Неофициальное» многоязычие (Россия: русский, татарский, чувашский, удмуртский и др.).
4. Официальное двуязычие (Канада: английский, французский, Гонконг: китайский, английский и др.).
5. «Неофициальное» двуязычие (Украина: русский, украинский).
6. Особенности обучения и языкового развития детей-билингвов.

Практическое занятие № 7

Тема. Языковая политика

1. Понятие языковой политики, языкового планирования и языкового строительства.
2. Виды языкового планирования («индивидуальное» и государственное).
3. Факторы, влияющие на выбор языка при языковом планировании.
4. Языковые конфликты.
5. Рассмотрение языковой политики на примере конкретных государств: языковая политика в СССР, языковая политика в России, языковая политика в Китае, языковая политика в Америке, языковая политика в Канаде, языковая политика во Франции.

Практическое занятие № 8

Тема. Русско-немецкий билингвизм

1. Языковая ситуация в Германии.
2. Предпосылки возникновения русско-немецкого билингвизма.
3. История пребывания русских в Германии.
4. Современное состояние русско-немецкого билингвизма.

Практическое занятие № 9

Тема. Интерференция. Лингвистический, социолингвистический и психолингвистический подходы к билингвизму

1. Понятие «интерференция». Ее виды.
2. Лингвистический подход к билингвизму.
3. Социолингвистика. Социолингвистический подход к билингвизму.
4. Психолингвистика. Психолингвистический подход к билингвизму.

Практические занятия № 10–11

Тема. Лингвистические проявления языковых взаимодействий. Понятие «смешение кодов» и «переключение кодов». Смешение кодов. Структурная характеристика фактов СК. Переключение кодов. Структурная характеристика фактов ПК

1. Диахронические процессы во взаимодействии языков: проблемы заимствования, языкового смешения, ареальной лингвистики и вопросов языкового союза, проблемы субстрата и суперстрата и т.п.

2. Отражение языкового контактирования в речи субъектов (синхронические процессы): различные виды двуязычных высказываний в речи билингвов. Влияние родного языка на речь на иностранном языке. Влияние иностранного языка на речь на родном языке. Явление интерференции и трансференции.

3. Явления «смешение кодов» (СК) и «переключение кодов» (ПК) как модели речевого поведения билингвов. Определение и объем понятий СК и ПК. Общая характеристика. Их разграничение: структурно-лингвистическое, социолингвистическое, психолингвистическое и смешанное.

4. Разговорная речь как сфера наиболее частотного проявления ПК и СК.

5. Влияние на разграничение явлений СК и ПК лингвистических и психолингвистических факторов (психолингвистические исследования процессов порождения речевого высказывания).

6. Смешение кодов как механизм употребления в речи на одном языке отдельных лексем другого языка. Вкрапления как результат такого использования. Переключение кодов как употребление в речи синтаксических единств любой длины, состоящих из лексем, принадлежащих другому коду, и отвечающих синтаксическим и структурным правилам этого кода.

7. Разграничение понятий СК и ПК.

8. Презентация статей.

Практическое занятие № 12

Тема. Результаты языкового контактирования: койне, просторечие, пиджин. Результаты взаимодействия языков. Языковое сообщество. Родство языков

1. Понятие субстрата, суперстрата, адстрата, инстрата и перстрата.

2. Смешение и переключение кодов как речевое явление и как первая стадия заимствования (явления языка). Виды заимствований.

3. Понятие «гибридных», или креольских языков. Понятие пиджина, койне.

4. Понятие «языковое сообщество». Причины возникновения ЯС.

5. Родство языков.

Практическое занятие № 13

Тема. Иноязычие как метакомпонент поэтического текста.

Терминоконцепт билингвемы в поэзии. Макароническая речь.

1. Метатекстовые элементы. Определение Р. Якобсона и А. Вежбицкой.
2. Художественно-поэтическое иноязычие. Его особенности и функции.
3. Понятие «билингвема». Ее особенности и функции в поэтическом тексте.
4. Макароническая речь. Определение, функции и примеры.
5. Макаронические стихи. Германизмы.
6. Проанализировать стихи:

Демьян Бедный

МАНИФЕСТ БАРОНА ФОН ВРАНГЕЛЯ

Ихь фанге ан. Я нашинаю.
Эс ист для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Ихь бин фон Врангель, герр барон.
Я самый лючший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон.
Послюшай, красные зольдатен:
Зашем ви бьетесь на меня?
Правительств мой – все демократен,
А не какой-нибудь звиня.
Часы с поломанной пружина -
Есть власть советский такова.
Какой рабочий от машина
Имеет умный голова?
Какой мужик, разлючный с полем,
Валяйт не будет дурака?
У них мозги с таким мозолем,
Как их мозолистый рука!
Мит клейнем, глюпеньким умишком
Всех зо генаннтен простофиль
Иметь за власть?! Пфуй, это слишком!
Ихь шпрехе: пфуй, дас ист цу филь!
Без благородного сословий
Историй русский – круглый нуль.
Шлехът! Не карош порядки новий!
Вас Ленин ошень обмануль!
Ви должен верить мне, барону.

Мой слово – твердый есть скала.
Мейн копф ждет царскую корону,
Двухглавый адлер – мой орла.
Святая Русслянд... гейлих эрде...
Зи лигт им штербен, мой земля.
Я с белый конь... фом вейсен пферде...
Сойду цум альтен стен Кремля.
И я скажу всему канальству:
"Мейн фольк, не надо грабежи!
Слюжите старому начальству,
Вложите в ножницы ножи!"
Вам будут слезы ошень литься.
"Порядок старый караша!"
Ви в кирхен будете молиться
За мейне руссише душа.
Ви будет жить благополучно
И целовать мне сапога.
Гут!
"Подписал собственноручно"
Вильгельма-кайзера слуга,
Барон фон Врангель, бестолковой
Антантой признанный на треть:
"Сдавайтесь мне на шестный слово.
А там... мы будем посмотреть!!!"

Клавдия Смирягина-Дмитриева

По стритам бегут очумевшие мены,
из виндоуз томные вумен глядят,
и красный паук оккупировал стену
со скромной советской табличкой «детсад».
где был гастроном, всевозможные шопы
слепят показухой зеркальных витрин.
а то, что продукция родом из .../Евр/опы
неважно, лишь был бы ярлык "маде ин".
у граждан свисают с ушей макароны,
которыми щедро обвешали их.
а я, попросив у comrades пардона,
строчу макарон(тьфу!)нический стих.

**И. Мятлев «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за
границею, дан л'этранже»**

Я взошла. Зовут обедать.
Хорошо б дине отведать.
Но куды, – уж места нет!
Пропадает мой обед.
Я на палубу вбежала,
Капитана отыскала;
Говорю: «Мой капитэн...»
Он в ответ мне: «Нихт ферштейн».
Немец, на беду, копчѣный,
По-французски неучѣный.
Я не знаю л'алеман,
Ну, признаться, се шарман.

Задания для самостоятельной работы

Статьи для конспектирования:

1. Г.Н. Чиршева «Bread сивой кобылы: билингвальный и трилингвальный юмор студентов и преподавателей».
2. Г.М. Вишневская «Билингвизм и межкультурная коммуникация».
3. И.А. Толмачева «Взаимодействие языков при трилингвизме».
4. Г.А. Алферова, С.В. Луцкая «Проблемы билингвизма в современном обществе».

Темы для презентаций:

1. Билингвизм в художественной литературе.
2. Макароническая поэзия и германизмы.
3. Особенности речевого развития детей-билингвов.
4. Иноязычные вкрапления в творчестве русских авторов.

Словарь основных терминов

Адстрат – совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования и контактов народов, говорящих на этих языках.

Билингв – человек, владеющий двумя языками.

Билингвема – любая манифестация иноязычия в поэтическом контексте, тексте и, шире, творчестве конкретного автора.

Билингвизм – владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения.

Диглоссия – владение разными языками и попеременное их использование в зависимости от ситуации общения.

Интерференция – процесс и результат контакта языковых систем в речи билингва, при котором одна система является доминирующей, порождающей эффект воздействия во вторичной, приобретенной языковой системе.

Койнэ – функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков.

Макароническая поэзия – сатирическая или шуточная поэзия, в которой смешиваются слова и грамматические формы разных языков.

Переключение кодов – переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации.

Пиджин – общее наименование языков, возникающих в экстремальной ситуации межэтнических контактов при острой необходимости достичь взаимопонимания. При образовании пиджина, как правило, контактируют три языка и более.

Психолингвистика – междисциплинарная область знания, цели которой заключаются в том, чтобы понять, как люди изучают и используют язык, чтобы разговаривать и понимать друг друга, и как язык представляется и обрабатывается в мозге.

Смещение кодов – вид речевой стратегии в ситуации билингвизма, предполагающий хорошее владение обоими языками и высокий уровень компетенции, когда происходит переход с одного языка на другой внутри высказывания.

Социолингвистика – научная дисциплина, изучающая проблемы, связанные с социальной природой языка, его общественными функциями, ролью, которую играет язык в жизни общества, механизмом воздействия социальных факторов на язык. Отрасль лингвистики, занимающаяся изучением существования и функционирования билингва в обществе.

Суперстрат – влияние языка пришлого населения на язык коренного в результате завоевания, культурного господства некоего этнического меньшинства, которому не хватило критической массы для ассимиляции покорённого или подчинённого коренного населения.

Языковая ситуация – это совокупность языковых образований, т.е. языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка), обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства.

Языковое сообщество – совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности.

Языковой код – любое языковое образование, функционирующее как средство коммуникации, пригодное для данной ситуации общения.

Языковые контакты – взаимодействие и взаимовлияние языков, возникающие в результате контактирования коллективов, говорящих на этих языках.

Языковой субстрат – влияние языка коренного населения на чужой язык, обычно при переходе населения с первого на второй в результате завоевания, этнического поглощения, культурного преобладания и т. д.

Языковые контакты – взаимодействие и взаимовлияние языков, возникающие в результате контактирования коллективов, говорящих на этих языках.

Заключение

Билингвизм можно определить как глубинное явление в истории социально-коммуникативных отношений. Хотя феноменом билингвизма ученые заинтересовались не так давно, само явление существует уже много веков, поскольку первые случаи двуязычия были зафиксированы еще в Античности – в речи детей из семей завоевателей и побежденных смешивались слова, которые они слышали от родителей. Долгое время главным критерием билингвизма считалось свободное владение языками. Такой точки зрения придерживались не только обыватели, но и специалисты. Но если бы мы включили в эту группу только тех, кто без труда общается на двух языках, то оставили бы за бортом огромное количество людей, которые хоть и пользуются двумя языками в повседневной жизни, но не могут похвастаться свободным владением обоими.

Один из первых исследователей феномена двуязычия Уриель Вайнрайх учел это и вместе с канадским коллегой Уильямом Маккеем расширил границы понятия, предложив следующее определение: билингвизм – это попеременное использование двух и более языков.

Билингвами, таким образом, признавались и профессиональные переводчики, свободно владеющие двумя языками, и иммигранты, которые говорят на языке другой страны, но не способны читать или писать на нем. Более того, в эту же категорию попадал и ребенок, использующий один язык для общения с родителями, а второй – с друзьями; ученый, пишущий и читающий статьи на неродном языке, но мало на нем говорящий. Этих людей объединяет то, что все они используют второй язык на регулярной основе – и потому могут считаться билингвами.

Билингвизм как явление интересен еще и недостаточной изученностью, поскольку как предмет он изучается на междисциплинарном уровне, в соотношении таких отраслей знания, как лингвистика, философия, межкультурная коммуникация, социолингвистика, психолингвистика, этнология и т.д.

Необходимо отметить еще тот факт, что мы живем в эпоху глобализации и интеграции. Таким образом, учитывая эти процессы, билингвизм расширяет свои границы и приобретает еще более приоритетное значение.

Данное учебное пособие может быть рекомендовано студентам лингвистических специальностей, преподавателям, читающим данную дисциплину, а также слушателям социально-гуманитарного профиля.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (Билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.-Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 162 с.
2. Геранина И.Н. К определению понятия «иноязычное вкрапление» / И.Н. Геранина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 8. – С. 38–40.
3. Закирьянов К.З. Основы билингвологии / К.З. Закирьянов. – Уфа, 2008. – 310 с.
4. Костромина Т.А. Социокультурная детерминация билингвальных коммуникативных затруднений / Т.А. Костромина, Н.С. Степашов. – Курск : КГМУ, 2007. – 176 с.
5. Круглякова Т.А. Проблемы изучения билингвизма : книга для чтения / Т.А. Круглякова. – Спб. : Златоуст, 2014. – 278 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
7. Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов : автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 / Николаев Сергей Георгиевич; Семенов Юрий Николаевич; РГПУ. – Ростов н/Д., 2006. – 46 с.
8. Рябцева О.М. Билингвизм в современном мире [Электронный ресурс] / О.М. Рябцева. – Электрон. текстовые дан. – Ростов н/Д., 2011. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-v-sovremennom-mire>, свободный.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 146 с.
10. Grosjean, François. Studying bilinguals. Oxford: Oxford University Press, 2008. – 314 p.
11. Weinreich, Uriel. Languages in contact: findings and problems. New York: Publications of the Linguistic Circle of New York, 1953. – 149 p.

Учебное издание

МИФТАХОВА Ольга Викторовна

**Актуальные проблемы билингвальной
коммуникации**

Методические рекомендации

**В авторской редакции
Компьютерный макет – Мифтахова О.В.**

Подписано в печать 05.12.2019. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 3,48.
Тираж 30 экз. Заказ № 103.

Издатель

**ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени тараса Шевченко»
«Книга»**

**ул. Оборонная, 2, г. Луганск, ЛНР, 91011. Т/ф: (0642)58-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru**